

Сергей
Зверев

СВОЙ
СРЕДИ ЧУЖИХ

ЭКСМО

Сергей Зверев

Мент: Свой среди чужих

«Научная книга»

2001

Зверев С. И.

Мент: Свой среди чужих / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2001

Кайзер, глава киллеров, мило беседует с Корниловым. Нравится ему этот лихой парень. Хорошо бы его в подручные. А тут как раз приносят очередной «заказ». Открывает Кайзер папку, а там фото его собеседника. Дело есть дело – клиента пока в подвал, ведь есть и другие «заказы». Но Корнилову такой оборот дела не по нутру. Хочется ему продолжить беседу с Кайзером. И он продолжит ее, только вопросы теперь будет задавать он...

© Зверев С. И., 2001

© Научная книга, 2001

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	42
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Зверев

Свой среди чужих

ЧАСТЬ I

Глава 1

ГРУЗ «200»

– Слышь, Андрюха. – Бросив короткий взгляд на командира, Дорофеев отстегнул отработавший магазин и аккуратно положил его рядом с собой. – Разберемся с этими козлами, и я на недельку в Питер мотану. Ты не против?

– В Питер? – удивленно переспросил Андрей. – Какого черта ты там не видел? Тебе что, тут делать нечего?

Он попробовал выглянуть из-за контейнера, но несколько пуль, просвистевшие у самого уха, заставили его отказаться от этой затеи.

– У меня сеструха там живет, – спокойно продолжил Дорофеев, вставил в автомат запасной рожок и передернул затвор. – Настей зовут. С дочерью у нее проблемы...

– Конфликт поколений?

– Пожалуй, похуже. – Дорофеев тяжело вздохнул. – Совсем от рук отбилась девка. А такая домашняя была...

– Сколько ей лет?

– Шестнадцать.

Андрей недоуменно пожал плечами.

– И что тут такого? Вспомни себя в шестнадцать. Плюс акселерация.

Однако Дорофеева такой довод не успокоил.

– Акселерация акселерацией, – возразил он, – но уже три дня, как дома не ночует. Мать с ног сбилась. Даже заяву в ментовку подала. И ничего. Все ее подружки дома сидят, а Альки нигде нет. Вот хочу съездить разобраться.

– С кем?

– Да есть кое-какие хвосты. По-моему, там криминалом пахнет...

– Ну, если так... – уступил Андрей. – Езжай. – Он нетерпеливо посмотрел на часы. – И где этот чертов ОМОН?!

– Сами справимся, – бодро парировал Дорофеев. – Подумаешь, двое против восьми. В первый раз, что ли? Замочим, как кроликов.

– Если они нас раньше не замочат...

Наконец-то затрещала висевшая у Андрея на поясе рация.

– Как там у вас? – послышался голос дежурившего в отделении старлея Бабкина.

– Лучше скажи, где ОМОН? – прохрипел Андрей. – Мы ведь не железные.

– Тут такая лажа... – сбиваясь, затараторил Бабкин. – Бригада выехала, но ее перехватили фээсбэшники. Не знаю, частоту они нашу прослушивают, что ли? Короче, дали отбой.

– То есть?

– Сказали, что вышлют свою бригаду.

– И где она, мать твою?!

Судя по затянувшейся паузе вопрос поставил Бабкина в тупик. Поймав вопросительный взгляд Дорофеева, Андрей криво усмехнулся.

– Ну, что тут скажешь? Ты и сам все слышал...

Неожиданно рация вновь затрещала, но уже незнакомым голосом:

– Полковник Крохолов, Служба безопасности. До нашего приезда ничего не предпринимать. Никакой стрельбы. Будет трудно – отходите.

– Но тогда уйдут и они, – возразил Андрей.

– У тебя что, со слухом проблемы?! – грубо оборвал его полковник. – По машине не стрелять! И не дай бог обнаружу на ней хоть одну царапину! Все ясно?

– Да, – глухо выдавил из себя Андрей.

На этом их разговор и закончился.

– Кажется, мы опять вляпались в какую-то дерьмовую историю, – с досадой протянул Дорофеев, достал сигарету, сунул ее в рот, но прикуривать не стал. – И что теперь делать? Вперед нельзя. А дернись мы назад – на открытой площадке в момент уложат.

Положение и вправду было дурацким. Впрочем, эта история Андрею с самого начала не понравилась. В конце рабочего дня вдруг позвонил какой-то гнусавый дедок и начал вопить, что на пустыре гаражи обворовывают! Причем позвонил не дежурному, а ему, начальнику угро. Послать бы этого дедка подальше, но ведь по голосу слышно – не успокоится, и Андрей решил взять сигнал под личный контроль. Все равно домой пилить, а гаражи как раз по дороге. А тут еще и Дорофеев на хвост подсел – надоело ему, видишь ли, в кабинете весь день торчать. Слава богу, додумался автомат с собой прихватить. Боялся, что начальник отделения тормознет. А так все чин чинарем – человек на боевое задание едет. Как в воду глядел!

Машину оставили неподалеку от гаражей и, закурив, решили немного прогуляться.

Вокруг тишь да благодать – ни машин, ни людей. Только в дальнем конце у одного из гаражей мужики фургон мешками затоваривают.

– До фуры: стрясем по сигарете, и назад, – предложил Дорофеев.

На том и порешили.

Казалось, грузчики в упор их не замечали, – но лишь до тех пор, пока не рассмотрели на плече у Дорофеева автомат. И вот тут началось!.. Мужики вдруг побросали мешки и схватились за пистолеты...

Перестрелка тянулась уже минут пятнадцать и пока безрезультатно для обеих сторон. Впрочем, долго так продолжаться не могло. Кто-то должен был предпринять решительный шаг.

Внезапно боковым зрением Андрей уловил мелькнувшую слева за гаражом фигуру. На всякий случай резко отклонился назад и, разворачиваясь, попытался прицелиться. Отклонился он очень вовремя. Выпущенные «тенью» пули прошли рядом, лишь одна слегка царапнула по рукаву куртки. Ответный удар оказался более успешным. Андрей не сплеховал. Отстрелял остаток магазина, как в тире. Нападавший мешком повалился на землю и застыл без движения.

– Минус один, – констатировал Андрей, меняя обойму. – Уже полегче.

Вновь развернувшись к линии фронта, он увидел метрах в ста бегущего прямо на него автоматчика. Долго не думая, прильнул к земле и из-под нижнего угла контейнера в упор расстрелял этого спринтера.

«И как это Дорофеев подпустил его так близко?» – с раздражением подумал Андрей и вслух упрекнул:

– Слышь, Ванек, мог бы и предупредить.

Но Ванек не ответил. Это показалось Андрею странным. Развернувшись, он увидел, что Дорофеев ранен, – из простреленной шеи сочилась густая кровь.

Андрей бросился к товарищу.

Рана оказалась серьезной, но пульс прощупывался.

«Если мы задержимся еще на полчаса, умрет, – заключил Андрей. – И что теперь? Вывешивать белый флаг или попросить братву попридержать пушки?»

Поняв, что эту проблему можно решить только одним способом, Андрей сунул пистолет за пояс и, вооружившись автоматом Дорофеева, решительно шагнул навстречу бандитам.

Ведя беспорядочный огонь и не давая противнику возможности даже высунуть нос, поравнялся с лежащим на земле автоматчиком. На ходу подхватил его автомат и, отшвырнув в сторону отработавший «калашников», продолжил лобовую атаку.

Преодолев еще метров пятьдесят, резко рванул в сторону к сваленным у одного из гаражей бетонным блокам и укрылся за ними. Идти и дальше вот так, напролом, было нельзя. Бандиты наверняка уже успели прийти в себя и в любую секунду могли ответить ему шквальным огнем. Но, вопреки ожиданиям, они поступили иначе – лениво постреливая одиночными, позаскакивали в машину и попытались увести ее.

Но Андрей не собирался так просто отпускать их, он тут же открыл прицельный огонь по бензобаку. Что произошло дальше, он не очень-то ясно осознавал. Потому как раздался взрыв такой оглушительной силы, что его вместе с бетонным укрытием вдруг сдуло, как пушинку. К счастью, бетонная плита рухнула в метре от него. Придя в себя, Андрей обнаружил, что находится метрах в пятидесяти от той точки, где был всего лишь пару секунд назад. Но что творилось вокруг! Если бы это был фронт, Андрей с полной уверенностью заключил бы, что только что здесь упала парочка тяжелых ракет типа «воздух – земля». О фуре можно было забыть навсегда. Там, где она находилась пару мгновений назад, зияла глубокая воронка, а гаражи... Как минимум шесть из них превратились в бесформенные руины. Вывод напрашивался сам собой – в машине была взрывчатка.

Убедившись, что взрывная волна не зацепила контейнеры, а следовательно, и Дорофеева, он бегом бросился к оставленной в километре от гаражей машине. Подогнав ее, поднял Дорофеева и уложил на заднее сиденье. Лицо Дорофеева было синим, как у трупа, но сердце билось.

– Держись, родной, – произнес Андрей, захлопнул дверцу и хотел было занять место за рулем, как вдруг выезд с территории гаражей перегородил микроавтобус спецназа.

Из него выскочил коренастый мужчина в бронежилете и решительно двинулся навстречу. Окинув взглядом место побоища и поняв, что тут произошло, он нахмурил брови и гневно сжал свои и без того узкие губы. По его уверенной походке и каменному выражению лица Андрей сразу догадался, что это и есть полковник Крохолов.

– Я же приказывал: не стрелять по машине! – заорал он, бледнея.

– Освободи дорогу! – не менее жестко ответил Андрей. – У меня товарищ умирает.

– Ты хоть понимаешь, что наделал?!

– Дорогу! – с угрозой повторил Андрей.

– Ладно. – Полковник жестом приказал водителю микроавтобуса подать назад и вновь развернулся к Андрею. – Считаю, что с этого момента в МВД ты больше не работаешь! И это в лучшем случае.

Но Андрей его уже не слышал. Заскочив в машину, он отжал педаль сцепления и до упора надавил на газ.

Он все еще не терял надежды на то, что с Дорофеевым будет все в порядке.

Глава 2

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ «УСОПШЕГО»

– Отлично поработали! Ничего не скажешь! – Начальник отделения полковник Бухвостов был вне себя от ярости. – Один при смерти, у второго контузия! Плюс угрохали внедренного в банду агента ФСБ. Просто какая-то война спецслужб выходит! Ей-богу.

– У меня не было другого выхода, – возразил Андрей. – Поступи я иначе, Дорофеев бы умер.

– Он уже сутки в коме! Может и... – начал было Бухвостов, но вдруг, поняв, что зашел слишком далеко, осекся. – Тьфу-тьфу-тьфу, конечно. – Театрально схватившись за голову, обогнул свой рабочий стол и, плеснув из графина в стакан воды, осушил одним глотком. – От твоих подвигов голова кругом идет! Не человек, а какой-то Рембо!

– Фараон, – шутливо поправил Андрей. – Это круче.

– Ну да, Фараон, – кивнул Бухвостов, остывая, и, усевшись в кресло, уже совсем спокойно сказал: – А вообще, ты – молодец. Если мы друг за друга постоять не сможем, то кто нас уважать будет?

«Ну, слава тебе господи, признал», – облегченно выдохнул Андрей.

– Но, – Бухвостов многозначительно поднял палец вверх, – положение наше хуже некуда. Особенно твое. Службисты не любят, когда наши парни им дорогу переходят. В министерстве затребовали твое досье, характеристики, полный отчет о происшествии... Короче, будут решать, оставлять тебя в органах или нет. А пока, до выяснения всех обстоятельств, от работы ты отстранен. – Лицо Бухвостова вновь покрылось красными пятнами. – Мать их за ногу! У меня оперов по пальцам пересчитать можно, а они последнее отбирают. – Он нервно схватил со стола папку и, раскрыв ее, принялся внимательно изучать какой-то документ.

Прошло минуты две. Крякнув под нос что-то нечленораздельное, Бухвостов поднял на Андрея удивленный взгляд.

– Как, ты еще здесь?

– А где же мне еще быть? – пожал плечами тот.

– Свободен. Передашь свои дела старшему лейтенанту Бабкину, вернешь на место табельное оружие и отдыхай, родной, отдыхай.

Андрей встал.

– Значит, я пошел? – на всякий случай уточнил он.

– Иди-иди. У меня и без тебя тут дел по горло. – Бухвостов вновь уставился в открытую папку.

* * *

Провозившись около часа с Бабкиным, Андрей сдал табельное оружие на хранение и вышел из отделения.

«Ну и что теперь? – подумал с досадой. – Целую неделю дурака валять? Я же с ума сойду без дела...» «А пока решил отправиться в Институт Склифосовского – проведать друга.

В холле больницы он столкнулся с Жанной, женой Дорофеева. При виде ее заплаканного лица у Андрея екнуло сердце.

«Неужели все?... Да нет, быть такого не может. Ваня – мужик крепкий, должен выкарабкаться...»

Жанна же, узнав Андрея, зарыдала и бросилась ему на грудь.

– Ты скажи мне, скажи – как это его угораздило? Вы же вместе были: на тебе – ни царапины, а он уже сутки в коме...

подавив вздох облегчения (в коме – значит, живой), Андрей крепко обнял Жанну и попытался успокоить:

– Думаю, все обойдется. Он же в рубашке родился.

– Доктор сказал, что положение критическое, – возразила Жанна, но, слава богу, перестала плакать.

– Медики всегда преувеличивают, чтобы набить себе цену.

Несмотря на внешнее спокойствие, на душе у Андрея скребли кошки. Он прекрасно понимал, что рана не такая уж и безобидная и что Дорофеев все еще жив лишь благодаря своему отменному здоровью и крепкому сердцу. Но надолго ли его хватит?..

Всхлипнув, Жанна опустила в кресло и негромко произнесла:

– Такое ощущение, как будто на всех Дорофеевых вдруг сошло какое-то проклятие.

– Ерунда, – сказал Андрей. – Просто ты устала.

Жанна несогласно мотнула головой.

– Ваня при смерти. А вчера опять звонила его сестра – от Альки ни слуху ни духу. Четвертые сутки пошли... Настя боится, что ее уже в живых нет. Ваня очень переживал за нее. Даже хотел поехать в Питер. Ведь Алька – его любимая племянница. Ей и семи не было, а Ваня уже успел отгаскать за уши всех ее кавалеров. Все боялся, что попадет в дурную компанию. Алька ведь девочка красивая. Последний раз, когда мы были в Питере, она говорила, что какой-то жутко знаменитый продюсер предложил ей сниматься в рекламном ролике и... – оборвав фразу на полуслове, Жанна вскочила и с надеждой посмотрела на усталого парня в белом халате, который явно направлялся к ней.

Андрей догадался, что парень в халате – доктор, который оперировал Дорофеева.

– Ну как он? Как?.. Ему лучше? – спросила Жанна, когда тот подошел поближе.

– Ваш муж пришел в сознание.

– Значит, все будет хорошо?

Сделав вид, что не расслышал вопроса, доктор сухо сказал:

– Я вас проведу в палату. Минут на пять. Очень прошу – никаких истерик и слез. – И, резко развернувшись, направился к служебному входу.

Отделение реанимации, в котором лежал Дорофеев, находилось на третьем этаже. Палата выглядела далеко не респектабельно: пять коек, и все были заняты. Больные лежали под капельницами, многие протяжно стонали. Пахло лекарствами, мочой. Молоденькие медсестры, сновавшие туда-сюда, казалось, не обращали на своих пациентов никакого внимания... Короче, не повезло Дорофееву. Даже и место досталось не из лучших – у самой двери. Впрочем, судя по его отсутствующему взгляду, все эти неудобства не очень-то волновали Дорофеева.

– Ваня, – жалобно позвала его жена и, сжав пальцами его ладонь, едва удержалась, чтобы не расплакаться.

Несколько раз моргнув, Дорофеев изобразил на лице некое подобие улыбки. И хотя улыбкой этой можно было по ночам пугать детей, оптимизма у Андрея прибавилось.

– Привет доблестной милиции, – бодро проговорил он и подошел ближе.

– А-а-а, Фараон, – неопределенно протянул Дорофеев.

Восприняв это мычание как проявление дружеских чувств, Андрей кивнул.

– Он самый.

– Только не волнуйся, Ваня. – Жанна нежно погладила мужа по руке. – Тебе нужно беречь силы.

Дорофеев недовольно поморщился и перевел взгляд на Андрея.

– Ну как? Замочил их?

Андрей кивнул.

– Причем сразу всех. Пальнул по баку, а в кузове взрывчатка оказалась.

– Молодец, – натянуто улыбнулся Дорофеев и, вновь уставившись в потолок, уже одними губами прошептал: – Вот только с Алькой облом вышел...

Глаза Дорофеева вдруг закатились, и Андрей понял, что с ним творится что-то неладное.

– Доктор! – громко позвал он.

В дверном проеме показался тот самый парень. Подойдя к кровати, пощупал пульс, потом приподнял веки. Дорофеев никак не прореагировал на эти прикосновения. Жанна и Андрей, затаив дыхание, следили за каждым движением доктора. Но тот не стал им ничего объяснять. Развернулся и быстро приказал подскочившей медсестре:

– Кислород! Приготовить три кубика лидокаина.

Не выдержав, Жанна зарыдала.

– Не надо этого! – повысив голос, обратился к ней доктор. – Прошу вас, уходите отсюда. Вы мешаете.

Рядом с койкой, словно из-под земли, появились двое в белых халатах. Один из них, оттеснив Андрея, надел на лицо Дорофееву кислородную маску, второй попытался присоединить к правой руке капельницу.

– Вы еще здесь? – Грозный окрик доктора заставил Жанну попятиться назад.

Прежде чем уйти, Андрей схватил Дорофеева за руку и негромко, но твердо проговорил:

– Насчет Альки не волнуйся. Я обещаю, что найду ее. Слышишь? Я найду ее! Только ты выкарабкайся...

Глава 3

СЛЕД МЯСНИКА

Девушка лежала на мокрой траве лицом вниз, широко раскинув тонкие, неестественно длинные ноги. Ее яркая юбочка прикрывала разве что ягодичы, и в первое мгновение Марик подумал, что она безнадежно пьяна.

Он обнаружил это «сокровище» ровно три минуты назад, когда справлял малую нужду в одном из укромных уголков Приморского лесопарка. Его смена закончилась два часа назад, и если бы не богатый клиент с причудами, то Марик уже давным-давно сладко посапывал бы в своей постельке. Но клиент оказался настойчивым малым и потребовал подбросить его к кемпингу. И это в три часа ночи! Однако обещанные царские чаевые поставили последнюю точку, и Марик без колебаний отвез пассажира по нужному адресу.

Так Марик оказался в этих дурацких кустах, рядом с молоденькой дурехой, которую, по всей вероятности, кто-то здорово накачал спиртным, а затем оттрахал во все дырки и бросил на произвол судьбы.

Прикидывая, что же ему, горемычному, делать, Марик подошел к девушке. Присел на корточки и принялся – спиртным вроде не пахло. Да и девчонка лежала как-то уж слишком неестественно – вывернутая голова, руки, вытянутые вперед, сжатые в кулачки пальцы... Марик наклонился поближе, осторожно убрал волосы с лица девушки и тут же в ужасе отшатнулся – вне всяких сомнений, девчонка была мертва! Но разве у нормального человека, пусть даже и пьяного в стельку, могут быть такие вытаращенные глаза, посиневшее лицо и совершенно бескровные губы?!

– Вот черт, – пробормотал Марик и, с трудом сдерживая дурноту, метнулся в близлежащие кусты. Там его вывернуло наизнанку, после чего вроде бы полегчало. Он попытался собраться с мыслями, но так и не смог сделать этого – в голове звеняще гудела пустота. Марик понимал, что необходимо что-то предпринять – вызвать милицию или «Скорую». Однако как ни старался, не мог заставить себя сдвинуться с места. На него нашла какая-то оторопь. Ему казалось, что сделай он хотя бы шаг, и его постигнет участь этой молоденькой дурехи.

А в лесу было тихо. Впрочем, в три часа ночи здесь и не могло быть по-другому. Таксисту Марику, который волей судьбы оказался в «нужном» месте в «нужное» время, ждать помощи было не от кого. И он бросился к своей машине, продираясь сквозь кусты...

* * *

Старший оперуполномоченный уголовного розыска ГУВД Санкт-Петербурга майор Сергей Парамонов никогда не считал себя слаонервным человеком. За пятнадцать лет отнюдь не сахарной службы в отделе по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями он успел навидаться такого, что нормальному человеку не могло присниться даже в кошмарном сне. Поэтому дело с трупом в Приморском лесопарке вначале показалось ему банальным до оскомины – девчонка легкого поведения, задушенная своими «товарками-конкурентками» или озверевшим сутенером. Убитая только потому, что работала не на своей территории или обнаглела до того, что скрывала часть доходов. Разборки чистой воды, да и только. Убийства из-за денег случаются гораздо чаще, чем по другим мотивам.

Однако, хорошенько осмотрев место происшествия и немного поразмыслив, Парамонов пришел к выводу: девчонка (даже если она и проститутка) могла запросто оказаться очередной жертвой сексуального маньяка, который в следственных материалах уже давно заслужил прозвище Мясник.

Приморский лесопарк пользовался дурной славой – за последние два года там были обнаружены четыре трупа женщин со следами насильственной смерти. Две из пострадавших были застрелены, еще две – исколоты ножом и, как показала экспертиза, скончались от потери крови. Все потерпевшие перед смертью были изнасилованы в извращенной форме. И именно этот факт натолкнул оперативников на мысль, что здесь «гуляет» очередной сексуальный маньяк. Какое-то время в парке дежурили патрульные машины, но это ничего не дало – преступник затаился. Девять месяцев все было тихо, пока сегодняшней ночью таксист не обнаружил в кустах еще один труп...

Интуиция подсказывала Парамонову, что девушка, как и все предыдущие жертвы, была убита одним и тем же человеком. Только на этот раз преступник почему-то решил воспользоваться удавкой. Известно, что вычислить маньяка практически невозможно. Такие дела обычно становятся «висяками», а если и раскрываются, то по чистой случайности, пока сам преступник не совершит грубой промашки. Парамонов знал точно, что все дела по убийствам в Приморском лесопарке пока что не сдвинулись с мертвой точки.

Однако проводить расследование спустя рукава было не в правилах Парамонова. Поэтому он вот уже полчаса терзал несчастного свидетеля, пытаясь выдавить из него показания, заслуживающие внимания.

Свидетель – таксист Марик Кочетов двадцати трех лет от роду, – по его словам, оказался в этом богом забытом уголке случайно. Обнаружив труп, позвонил в милицию и добросовестно дождался приезда оперативной бригады. Поведение таксиста выглядело странным, так как большая часть граждан, оказавшись на его месте, предпочли бы остаться «неизвестными доброжелателями»...

– Давайте еще раз вернемся к тому самому моменту, когда вы впервые увидели девушку, – устало попросил Парамонов, не сводя с таксиста внимательного взгляда. А вдруг свидетель, этот хлюпик со шмыгающим носом и трясующимися руками, имеет самое непосредственное отношение к смерти потерпевшей?

Тем более что объяснения таксиста, каким образом он оказался в Приморском лесопарке в три часа ночи, звучали неубедительно.

«Спокойно, Парамонов, без паники, – мысленно приказал себе майор. – Выдвигать версии – дело следователя, так что не лезь туда, куда тебя не просят».

– Когда вы впервые обнаружили потерпевшую, она лежала точно в такой же позе, как и сейчас? – уточнил он.

Перед тем как ответить, Марик огляделся и лишь затем судорожно кивнул.

– Да... Кажется, да. Вначале мне показалось, что она... пьяная...

– Но затем вы подошли к ней и убедились, что это не так?

– Да, я подошел к ней, нагнулся, убрал с ее лица волосы и... – Таксист задвигал кадыком и вытер тыльной стороной ладони губы. – И увидел, что ее задушили... – В глазах парня промелькнул страх. – Тогда я был уверен, что убийца где-то рядом. Я все время чувствовал, что за мной наблюдают. Чувствовал его взгляд!.. Вы понимаете, что я имею в виду?

Парамонов кивнул, мысленно усмехнувшись. Богатый опыт подсказывал, что не стоит доверять показаниям подобного рода. Любой, даже самый бесстрашный человек, оказавшись в парке в три часа ночи да еще и рядом с трупом, может увидеть и почувствовать все, что угодно.

Мягко, но настойчиво Парамонов взял Марика за локоть и отвел к автомобилю с шашечками.

– Посидите пока в своей машине, ладно? – попросил он. – Я скоро освобожусь, и мы продолжим разговор.

Марик молча забрался в салон, молча вытащил из пачки сигарету и принялся нервно мять ее в пальцах. Затем похлопал себя по карманам и виновато улыбнулся.

– У вас не найдется огоньку? А то я свою зажигалку где-то посеял...

Парамонов недовольно поморщился. Таксист был ему неприятен, но он постарался ничем не выдать своих истинных чувств.

– Держите. – Он бросил парню коробок спичек и решительным шагом направился к судмедэксперту, который, судя по всему, уже окончил осмотр.

Судебно-медицинский эксперт Игнатий Петрович Скиндер имел в определенных кругах репутацию отменного профессионала, но вместе с тем абсолютно невыносимого человека – брюзги и скандалиста. Он терпеть не мог, когда оперативники пытались вмешиваться в ход его работы. Их советы и брошенные ненароком замечания доводили Игнатия Петровича до белого каления. Он надувался, словно индюк, несколько минут разглядывал будущую «жертву» испепеляющим взглядом, а затем взрывался с такой силой, будто его с ног до головы начинили тротилом. Взрывался Игнатий Петрович, конечно же, словесно, но тому, кто имел неосторожность высказать свое мнение в присутствии Скиндера, это мгновение запоминалось на всю оставшуюся жизнь. Именно поэтому Парамонов начал свои расспросы весьма деликатно.

– Ну, что скажете, Игнатий Петрович?

Скиндер на мгновение отвлекся от кожаного чемоданчика, куда обычно складывал инструменты, и смерил Парамонова уничтожающим взглядом.

– Причина смерти – механическая асфиксия, – буркнул он и брезгливо стянул резиновые перчатки. – Об этом свидетельствуют синюшность и одутловатость лица, мелкоточечные кровоизлияния в склеру и конъюнктивы глазных яблок, ущемление кончика языка между зубами. В средней и нижней части шеи – имеются две странгуляционные борозды – след от предмета, которым была задушена потерпевшая. Смерть наступила не более пяти часов назад.

Сухая терминология всегда раздражала Парамонова, но он не посмел прервать Игнатия Петровича. Оперативники во многом зависели от экспертов, особенно от медиков. Ведь после осмотра места происшествия убитую предстояло везти в специально выделенный базовый морг, где Скиндер должен был проводить вскрытие. Непредсказуемый Игнатий Петрович при малейшем изменении настроения мог запросто отказаться проводить вскрытие немедленно, сославшись на усталость. И был бы абсолютно прав, потому как заниматься вскрытием в пять часов утра мог только фанатик своего дела. Проще было бы отложить экспертизу до понедельника, но такой поворот событий шел вразрез с планами майора. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как слушать медика и периодически кивать в ответ. Проще говоря, открыто подлизываться.

Все изложенные Скиндером сведения Парамонов мог прочитать в протоколе. Однако он молча кивал и слушал, слушал и кивал, так как обычно в конце монолога Игнатий Петрович делал весьма неординарные выводы. Ради пользы дела можно было и потерпеть.

Только один раз майор решился перебить медика:

– Как вы считаете, Игнатий Петрович, потерпевшую убили здесь, в этих кустах? Или в другом месте?

– Скорее всего здесь. Вокруг полно следов от мужских ботинок. Но это уже не по моей части, дорогуша. Мое дело: осмотреть труп, установить причину и время смерти. Хотя все это очень и очень странно. На теле девушки я не обнаружил ни ушибов, ни царапин. Лично у меня создалось впечатление, что красотка пришла на место своей смерти добровольно. Она либо доверяла преступнику, либо перед смертью ее накачали какой-нибудь дрянью... Но это я узнаю после вскрытия.

– Значит, на теле девушки нет следов от уколов?

– Нет. Абсолютно никаких. Она не была законченной наркоманкой, это факт, но... – Игнатий Петрович поднял вверх указательный палец, – у нее были другие, не менее серьезные недостатки.

– И какие же?

– Скажу вам по секрету, потерпевшая регулярно занималась анальным сексом, о чем свидетельствуют характерные изменения слизистой прямой кишки. К тому же незадолго до смерти девушка имела интенсивные половые контакты.

«Похоже, проститутка, – подумал Парамонов и тут же мысленно одернул себя: – Но разве это что-то меняет? Чем эта девица зарабатывала на жизнь, меня не касается. Главное, что она мертва, и я должен найти убийцу. Его надо остановить, а то появятся новые жертвы...»

– Дорогой мой, о чем это вы задумались? – тихий голос старшего следователя прокуратуры Владимира Владимировича Бубашкина вывел майора из оцепенения.

Бубашкин производил впечатление весьма преуспевающего во всех отношениях человека и больше походил на юридического консультанта какой-нибудь частной фирмы, чем на следователя горпрокуратуры. Он всегда одевался с иголочки, всегда был гладко выбрит. От него исходил тонкий аромат дорогой французской парфюмерии, галстуки он покупал только в фирменных магазинах, а костюмы менял через день. Откуда у следователя прокуратуры такие бабки, не знал никто. Однако Парамонову было точно известно, что Бубашкин взяток не берет.

Оперативники не очень-то любили с ним работать, потому как Бубашкин никогда не приветствовал инициативных, а в процессе следствия требовал, чтобы его помощники свои действия согласовывали с ним напрямую. Это раздражало Парамонова. Работая с Бубашкиным, он чувствовал себя мальчиком на побегушках. Год назад они вместе раскрыли крупное и, казалось бы, безнадежное дело – убийство известного издателя. И хотя в преступлении были замешаны крупные мафиози, посадить за решетку которых практически невозможно, Бубашкин сумел добиться обвинительного приговора. После того случая Парамонов зауважал следователя, но от этого работать с Бубашкиным не стало легче.

– Так о чем вы задумались, майор? – вновь спросил Бубашкин.

Пауза затягивалась до неприличия, а Парамонов все никак не мог придумать, что же ему ответить. В голове вертелось два варианта: первый – сказать правду, второй – соврать. Но майор предпочел третий вариант – он задал встречный вопрос, проигнорировать который Бубашкин по долгу службы не имел права.

– Удалось установить личность потерпевшей?

Следователь пожал плечами.

– В сумочке не было никаких документов. Только косметика, пачка презервативов, жетон на метро и десять рублей. Судя по всему, потерпевшая была девицей легкого поведения, так что в числе пропавших без вести ее имя появится не скоро. А может, и вообще не появится... А что говорит твой свидетель?

– Ничего определенного: зашел в кусты помочиться и наткнулся на труп. Ничего не знает, ничего не видел, но зато слышал подозрительные шорохи. Он уверен, что убийца бродил где-то рядом.

– Убийца смылся с места преступления на машине, – криво усмехнулся Бубашкин. – На дороге видны отчетливые следы от шин. По предварительным данным – автомобиль марки «БМВ»... Так что твой свидетель ошибся.

– Очень может быть, – кивнул Парамонов. – Только идиот станет торчать около трупа так долго. Правда, у меня нет уверенности, что этот убийца – не идиот.

– Думаешь, тут поработал наш старый знакомый – маньяк из Приморского?

– Очень похоже.

– Хорошо, что он имеет зуб только на проституток. Но вдруг в голову ему придет блажь, и он начнет насиловать и убивать девиц из благонравных семей? Представляешь, какую бучу поднимут журналисты? А если во всех газетах появятся заметки про нашу несостоятельность, что тогда запоет генеральный прокурор? Так что, Сережа, придется здорово потрудиться и вычислить этого гада. Тем более что на этот раз он оставил массу зацепок.

Признаться честно, Парамонова здорово покорило высказывание следователя о девицах из респектабельных, «благонравных» семей. Он так разозлился, что совершенно позабыл, что несколько минут назад сам думал то же самое. Но одно дело – думать, и совсем другое – высказывать свои мысли вслух.

Если Бубашкин и прочел на лице оперативника недовольство, то сделал вид, будто ничего не заметил. А через секунду сказал такое, от чего Парамонов едва не сел.

– Я знаю, что ты и твои коллеги считаете меня тупым консерватором. Во многом вы правы, и я признаю это. Поэтому давай попробуем работать по-другому – целую неделю ты и Моисеев действуете самостоятельно, на свой страх и риск. Нашупаете какие-нибудь зацепки – милости прошу. Исходя из ваших результатов я и буду выстраивать направление, в котором пойдет следствие.

«Он что, не с той ноги встал? – растерялся Парамонов. – Или и вправду решил рискнуть?.. Но такой поворот мне только на руку. Это даст возможность нам с Семеном развернуться на полную катушку».

– То есть вы предоставляете нам карт-бланш? – уточнил на всякий случай.

– Да, полная свобода действий и неограниченные полномочия.

Парамонов почувствовал, как у него вспотели ладони. Это же надо, только что он получил полную свободу действий от самого Бубашкина! Забыв обо всем на свете, он принялся соображать, с какого конца лучше всего взяться за расследование: «Во-первых, просмотреть все четыре дела по убийствам в Приморском лесопарке, во-вторых, подключить к делу опытного психиатра, дабы тот составил психологический портрет предполагаемого убийцы, в-третьих...»

И в этот самый момент тишину парка нарушил громкий вопль, доносившийся оттуда, где стояло такси. Судя по всему, это орал свидетель, причем с таким истеричным надрывом, словно обнаружил в своей машине рептилию или еще один труп. От его вопля у всех заложило уши. Игнатий Петрович вздрогнул и едва не уронил на землю свой чемоданчик, Парамонов удивленно вскинул брови и повернулся в сторону, откуда слышался непрекращающийся крик. И только следователь Бубашкин никак не прореагировал на это «невинное» происшествие. Продолжая что-то чиркать в своем блокноте, он недовольно поморщился и смахнул со лба прядь волос.

Вопль прекратился так же неожиданно, как и начался.

– Что это было? – Игнатий Петрович Скиндер вопросительно посмотрел на Парамонова. – Кто-то из ваших оперативников вырабатывает командный голос?

– Это свидетель, – мрачно констатировал тот. – Тот таксист, который первым обнаружил труп.

– Это что, сейчас таким образом показания выбивают? – не унимался эксперт.

– Да какие, к черту, показания? – разозлился Парамонов. – У парня крыша поехала, наверное. Или, может, померещилось что... Он же нервный, словно только что вернулся из Афгана, и страшно мнительный.

– Идите и разберитесь, что там случилось, – бесстрастно приказал Бубашкин, не отрываясь от блокнота.

Парамонов быстрым шагом направился к автомобилю с шашечками, на ходу размышляя, что же произошло со свидетелем за те несколько минут, пока он сидел в собственной машине? Спятил от страха или вновь услышал в кустах подозрительные шорохи?

Когда он подошел к такси, там уже находились люди – коллега Парамонова, старлей Семен Моисеев, самый молодой сыщик в отделе по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями, и сержант милиции. Марик, бледный и настороженный, сидел прямо на траве и раскачивался, словно маятник. На его лице был написан ужас.

– Ну что тут у вас? – недовольно спросил Парамонов, обращаясь к Семену.

Тот, кивая на Марика, спокойно пояснил:

– Да вот он обнаружил у себя в тачке чужой блокнот. Уверяет, что никогда раньше его не видел.

– «Раньше» – это когда?

– Полчаса назад.

– И что из этого?

– А то, – продолжил Семен с улыбкой, – что свидетель уверен: эту вещицу ему подложил убийца. Пока он разговаривал с вами, убийца забрался в машину и сунул в бардачок блокнот.

Марик, внимательно прислушиваясь к каждому слову Семена, судорожно закивал.

– Да, это так... все правильно... он бродит где-то рядом... Теперь я уверен в этом!

«Господи, с какими только чудиками мне приходится работать, – мысленно простонал Парамонов. – Раньше этому кретину слышались подозрительные шорохи, теперь он уверяет, что в его салоне каким-то невероятным образом появляются чужие вещички, а завтра он с пеной у рта начнет доказывать, что общается с духом умершей девушки... Нет, пока не поздно, нужно положить этому конец!»

– Ты просмотрел блокнот? – уточнил у Семена.

– Да. Ничего особенного, обычная записная книжка со множеством телефонов и адресов. На первой странице – имя и телефон владельца. Точнее, владелицы – Алевтины Потаниной... – понизив голос, Семен добавил: – Бедняга-таксист совсем спятил. Наверное, подвозил эту Потанину, та забыла в салоне блокнот, он спрятал его в бардачок, а потом забыл. А теперь пытается внушить самому себе, что блокнот принадлежит убитой девушке.

– На всякий случай позвони этой Потаниной домой. Проверить не помешает. – Парамонов повернулся к расстроенному таксисту. – Так, парень, на сегодня ты свободен. Отправляйся домой и отдыхай. Записную книжку мы забираем. Если понадобится, вызовем повесткой. Надеюсь, тебя не надо провожать?

– Вы мне не верите. – Марик тяжело вздохнул и встал, отряхивая брюки. – Но я голову даю на отсечение, что еще час назад этого блокнота в машине не было! Перед тем, как вы стали меня допрашивать, у меня закончились сигареты. А в бардачке я всегда храню запасную пачку! Я полез туда, взял сигареты! Я точно помню, что тогда там НИЧЕГО не было! Мы с вами поговорили, я сел в свою машину, закурил... Помните, вы мне дали спички? Так вот, я хотел спрятать их в бардачок, открыл его, и этот чертов блокнот вывалился мне прямо на колени!

– Стоп! – поднял руку Парамонов. – Я вас понял! Вы пытаетесь уверить меня в том, что убийца находится где-то рядом?

Марик вздохнул с облегчением:

– Господи, наконец-то до вас дошло...

– Но ведь здесь нет посторонних, – усмехнулся Парамонов. – Только сотрудники уголовного розыска, эксперты и следователь. Ваша машина все время стояла на виду. К ней подходили только те, кому это положено по долгу службы. Значит, убийцу следует искать среди них?

– Я этого не говорил, – моментально среагировал Марик. – Но я точно знаю, что еще полчаса назад его там не было!

– И с чего вы решили, что этот блокнот принадлежит убитой?

Марик не нашелся что ответить. Помолчав, сказал печально:

– Да, вы правы. Я, кажется, тихо схожу с ума.

Глава 4

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

В Питер Андрей отправился налегке. Лишь на пару минут забежал домой, чтобы прихватить «глок». Особой надобности в нем не было, но, отправляясь куда-либо, Андрей всегда вспоминал о нем. Это стало привычкой. Трофейный пистолет, некогда спасший ему жизнь в Курдистане, был для Андрея чем-то вроде талисмана, символа удачи. А удача нужна была и на этот раз.

Поезд прибыл в Питер без четверти двенадцать. И хотя для визита к Насте время было не самое подходящее, Андрей решил не откладывать эту встречу и вначале заглянуть к ней, а уж потом подыскать себе место в гостинице.

Если верить Дорофееву, Настя была писаной красавицей и выглядела намного младше своих тридцати пяти. Андрей согласился с этим, взглянув на снимок, который ему показала Жанна. Но, увидев женщину, которая открыла ему дверь, немного смутился, подумав, не перепутал ли адрес?

– Настя? – уточнил на всякий случай.

– А вы – Фараон?

Безусловно, это была Настя. Но совсем не такой он ее себе представлял. Наверняка еще пару дней назад она была точь-в-точь как на фотографии, но сейчас перед ним стояла старуха. Да-да, именно старуха, жалкая, пятидесятилетняя старуха с покрасневшими от бессонной ночи веками и фиолетовыми тенями под глазами. В ней не осталось ничего от прежней Насти, и даже ее карие, лучистые глаза вдруг стали блекло-серыми, как дождливый, осенний день.

– А в глазок все-таки надо посмотреть, – заметил Андрей. – Мало ли кто мог позвонить в дверь.

Настя вяло пожала плечами и ничего не ответила. Лишь отступила на шаг, приглашая зайти в прихожую. Но как только Андрей переступил порог и закрыл за собой дверь, Настю будто прорвало. Она присела на ящик для обуви и тихо заплакала. Андрей понял, что от Альки по-прежнему нет никаких вестей. Ободряюще погладив Настю по худенькому плечу, он увеличенно бодро сказал:

– Не переживай! Может, она сбежала с каким-нибудь пацаном, а мы тут панику разводим? Погуляет-погуляет и вернется.

– Все не так просто. – Настя отчаянно замотала головой и резко отстранилась. – Я никогда на нее не давила – разрешала встречаться, с кем хочешь. Она и раньше не приходила ночевать, но всегда звонила и предупреждала. А в последнее время была сама не своя. Вот я и подумала: как бы чего не случилось! Обзвонила все больницы, все морги! Звонила и в милицию, просила принять заявление о пропаже. Но там только посмеялись...

– Давай сделаем так, – предложил Андрей. – Я сейчас поеду в гостиницу, а ты ляжешь спать и выбросишь из головы все глупые мысли. А утром вернусь, и мы вплотную займемся поисками. Хорошо?

Настя машинально кивнула, но потом спохватилась:

– Зачем в гостиницу? Я постелю тебе в Алькиной комнате. Да и мне спокойнее будет. А сейчас поьем чаю.

Предложение показалось Андрею резонным и, мгновение поколебавшись, он остался.

– А почему не приехал Ваня? – любопытствовала Настя, разлив по чашкам чай и опустившись на стул. – Жанна что-то говорила про больницу...

Андрей был готов к этому вопросу и потому соврал не моргнув глазом.

– Воспаление легких. Ничего страшного, но недельку отлежаться надо.

– Жаль... – Настя пристально посмотрела Андрею в глаза. – А знаете, Ваня всегда называл вас исключительно Фараоном. И как мне не стыдно в этом признаться, но я даже не знаю вашего имени. А называть Фараоном...

– Ну, почему, – улыбнулся Андрей. – Фараоны тоже люди. А если серьезно, то меня зовут Андреем. И, как ни странно, это имя мне нравится больше.

– Мне тоже. – Щеки Насти покрылись легким румянцем. – А знаете что, – предложила она, – давайте я покажу вам наш семейный альбом. – Не дожидаясь ответа, она встала и вышла из кухни.

Прошло минут десять, но Настя так и не появилась. Начав беспокоиться, Андрей заглянул в одну из комнат. Настя лежала на кровати, а рядом с ней по одеялу были разбросаны фотографии. Она спала.

«Небось впервые за все эти дни прилегла...» – посочувствовал Андрей, прислушиваясь к ровному дыханию женщины.

Потом собрал разбросанные по кровати фотографии и, выбрав себе два снимка Альки, спрятал их в нагрудный карман. Остальные аккуратно сложил на тумбочку. Укрыл Настю пледом, выключил свет и осторожно вышел из спальни.

В квартире было тихо и довольно прохладно. Зябко поеживаясь, Андрей направился на кухню, намереваясь выпить чашечку кофе, чтобы согреться.

«Как там Дорофеев?» – эта мысль все время была с ним, вытесняя порой все остальные. Андрей окинул кухню внимательным взглядом, ища телефонный аппарат. Он оказался под табуретом. Подняв его, набрал номер домашнего телефона Лехи Бабкина.

Трубку долго никто не поднимал. А потом в ней послышался игривый женский голосок: – Хэлоу!

Однако такое приветствие ничуть не удивило Андрея – Леха был тем еще бабником. Наверняка и в этот раз кого-то к себе притащил.

– Дайте мне Бабкина, – потребовал Андрей.

– А его нет, – невинным голоском отозвалась девушка.

Естественно, она врала. Кроме как дома, Бабкину больше негде было быть.

– Это Корнилов из Питера! – уточнил Андрей.

После небольшой паузы наконец-то послышался Лехин голос:

– У вас что, в Америке, сейчас день? – Он был в своем амплуа. – У нас, между прочим, ночь... А у меня лично – первая ночь медового месяца. Представляешь, как ты меня обломал?

– Знаю я твои медовые месяцы, – оборвал его Андрей. – Что с Дорофеевым?

– Откачали. До смерти живучим оказался. Но врачи пока ничего не обещают. Короче, пятьдесят на пятьдесят. А у тебя как?

– Нормально. – Понимая, что Бабкину больше нечего сообщить, Андрей решил сворачиваться. – Слушай, я тут по чужому телефону звоню, так что закругляемся. Пока.

– Пока, – удивленно пробормотал Бабкин.

Андрей вернул телефон на прежнее место и достал из пачки сигарету. Щелкнул зажигалкой, подошел к окну. С высоты пятого этажа он видел, как по проспекту мчатся машины. Даже в четыре утра у кого-то находились неотложные дела, кто-то куда-то спешил... Это был город его юности. Некогда родной, теперь он казался чужим и неприступным. Андрей присел на подоконник и вдруг подумал об Альке...

...Андрей и не заметил, как задремал. Проснулся он от того, что кто-то решительно тряс его за плечо. Открыл глаза и не сразу сообразил, где находится. Затем, увидев прямо перед собой бледное лицо Насти, вскочил с подоконника и попытался вникнуть в смысл тех фраз, которые она говорила:

– Мне нужно ехать на опознание в морг... Ты поедешь со мной?

В первое мгновение Андрей решил, что Настя сошла с ума и поэтому несет какую-то несусветную чушь. Какой морг, какое опознание? Но стоило ему встретиться взглядом с глазами Насти, как он сразу понял – с Алькой и в самом деле произошло что-то серьезное.

– Она что, умерла? – не подумав, ляпнул спросонья и тут же прикусил язык, заметив, как потемнело лицо Насти. Казалось, еще чуть-чуть, и она свалится в обморок. Однако невероятным усилием воли ей удалось взять себя в руки.

Молча распечатав новую пачку сигарет и щелкнув зажигалкой, Настя затянулась, а потом сухо сообщила:

– Пока ты спал, мне позвонили. Из милиции.

– Может, это ошибка?

– Не знаю... – Голос Насти задрожал. Было видно, что она с трудом сдерживается, чтобы не сорваться и не расплакаться. – Я очень надеюсь на это, но... Они сказали, что нашли записную книжку, а в ней – номер нашего телефона и адрес.

– А при чем здесь опознание?

– Со мной разговаривал какой-то майор Парамонов. Вначале он спросил, дома ли Алевтина. Я сказала, что ее нет. Тогда он спросил про записную книжку. И тут я почувствовала – что-то произошло... А потом этот майор сообщил, что сегодня ночью в Приморском лесопарке был обнаружен труп девушки. Спросил, смогу ли я приехать на опознание.

* * *

Прошло чуть больше получаса с тех самых пор, как Андрей и Настя Потанина побывали в морге. Труп шестнадцатилетней Альки наверняка уже вновь сунули в холодильник, а Андрей все никак не мог поверить в то, что этот кошмар случился на самом деле. Он сидел рядом с Настей на лавочке, в тихом пустынном дворике больницы, и не мог заставить себя вслух произнести то, что полагается говорить в подобных случаях, – слова утешения. Они застревали в горле, какая-то невидимая преграда мешала высказать их вслух, и Андрей с досадой подумал, что в подобных ситуациях он никогда не бывал красноречивым.

Впрочем, Настя держалась на удивление мужественно. И сейчас, когда самое страшное осталось позади, и тогда, когда впервые увидела тело дочери. Она не забилась в истерике, не потеряла сознание, хотя крупная докторша в зеленом халате уже держала наготове пузырек с нашатырным спиртом. Только спросила: «Что у нее на шее?» – и, выслушав ответ оперативника, молча кивнула. Затем сама, без всякой поддержки вышла из холодной прозекторской, прижимая к груди Алькины вещи, и зашагала по полутемному мрачному коридору, безошибочно двигаясь к выходу. И только на улице Настя вдруг пошатнулась и, едва шевеля посиневшими губами, прошептала:

– Давай посидим... Мне что-то нехорошо...

– Давай. – Андрей подхватил ее под руку и осторожно усадил на скамейку.

И Настя, сверкая сухими глазами, заговорила. Заговорила об Альке. Стала вспоминать всякие милые подробности из ее детства, как Алька впервые пошла в школу, какие у них были чудесные ровные отношения.

За свою жизнь Андрей видел много смертей. На его глазах умирали враги и друзья, сраженные пулями и осколками мин. Но все они были солдатами и знали, что рано или поздно с ними это может случиться. Знали и все равно шли на риск. Ведь риск был частью их профессии. Но Алька, милая юная Алька даже не подозревала, что ее жизнь оборвется в шестнадцать лет. Что какой-то подонок изнасилует ее, а затем убьет и бросит в кустах, как ненужную тряпку.

«Сволочь, – мысленно повторял Андрей, закуривая новую сигарету. – Сволочь, подонок, извращенец и кретин...»

В этот момент прямо над ухом прозвучал подчеркнуто вежливый мужской голос:

– Майор Парамонов. Это я вам звонил...

Андрей был настолько погружен в свои мысли, что не сразу заметил майора. Лишь когда тот заговорил, вздрогнул и повернулся к нему. Однако Парамонов открыто проигнорировал его. Он смотрел только на Настю. Смотрел долгим немигающим взглядом, в котором Андрей не заметил ни капли сострадания.

– Как вы себя чувствуете? – сухо поинтересовался Парамонов. – Врач не нужен?

– Нет, – едва слышно ответила Настя.

– Вы не против, если я задам вам несколько вопросов?.. Не здесь, конечно, а там, где вам будет удобно. К примеру, у вас дома. Я на машине, так что подвезу, куда скажете... Но если вы себя неважно чувствуете, мы перенесем разговор на завтра.

Настя молча выслушала Парамонова, а затем перевела взгляд на Андрея. Андрей видел, что ей сейчас не хочется говорить об Альке с посторонним человеком. Тем более у себя дома. Он прекрасно понимал, что Настя предпочла бы уехать к себе, зарыться лицом в подушку и выплакать свое горе. Но, будучи женщиной законопослушной, она знала, что без ее показаний следствие не сдвинется с мертвой точки. Тем не менее принять самостоятельное решение не могла. Поэтому и смотрела на него.

– Поезжай, – кивнул Андрей. – И ни о чем не волнуйся. Все хлопоты о похоронах я возьму на себя.

– Семен, проводи Настасью Петровну к моей машине, – прежним официально-суховатым тоном приказал Парамонов крепкому пареньку, все это время стоявшему неподалеку. И вдруг безо всякой подготовки предложил: – Может, перекурим?

– Можно, – с готовностью кивнул Андрей.

Они присели на лавочку, Парамонов достал свои сигареты, щелкнул зажигалкой и поднес ему огонек. Андрей выпустил в сторону струйку дыма, искоса поглядывая на сидящего рядом майора.

Парамонов был высок, сутул, неразговорчив. Такие люди внушают уверенность, от них так и прет профессионализмом, а что такое настоящий профессионализм, Андрей знал не понаслышке.

– Вы были хорошо знакомы с потерпевшей? – спросил Парамонов.

– Совсем незнаком, – признался Андрей. – Алевтина – племянница моего друга Ивана Дорофеева.

– А Настасью Петровну давно знаете?

– Со вчерашнего вечера. Приехал на ночном московском, в гостиницу идти было поздно, и я решил воспользоваться ее гостеприимством.

– Значит, вы – москвич? – с едва уловимым пренебрежением проговорил Парамонов.

– Да. – Андрей решил не сообщать о том, что работает в милиции. Ведь вряд ли Парамонов стал бы доброжелательнее, если бы узнал еще и о том, что перед ним такой же мент, как и он, но только московский.

После ответов Андрея интерес в глазах Парамонова сразу пропал.

– Что ж, выходит, вы не знаете ни мать, ни дочь и оказались в нашем городе совершенно случайно. А мне нужен человек, который бы мог рассказать о привычках потерпевшей, о репутации в школе, о том, чем она занималась в свободное время. Мне нужно знать, были ли у нее враги, употребляла ли она наркотики, алкоголь.

– Наркотики?! – искренне возмутился Андрей, вспомнив Алькину фотографию. – Да вы шутите! А что касается друзей, то об этом вам стоит поговорить с Настей. Ваня рассказывал, что у них были доверительные отношения.

На губах Парамонова появилась саркастическая улыбка.

– Современная молодежь не доверяет свои секреты даже самым близким друзьям. Тем более – матери.

– Из всех правил бывают исключения, – возразил Андрей.

– Потанина не была исключением. Я в этом уверен.

– На что вы намекаете?

– На результаты экспертизы. На факты, от которых невозможно отмахнуться. Вам, как постороннему человеку, я могу сказать, что потерпевшая не была пай-девочкой. Она употребляла наркотики достаточно регулярно и спала с мужчинами, как минимум, последние два года. И скорее всего не для собственного удовольствия, а чтобы заработать на карманные расходы.

Кровь бросилась в лицо Андрею – да как он посмел, этот сыщик с Литейного, говорить такое о племяннице Дорофеева! Как он рискнул объявлять ее проституткой?

– Вы бывали когда-нибудь на Невском? – тем временем продолжил Парамонов. – Нет? А мне приходилось. По долгу службы, разумеется. Там, бесстыдно оголив колени, стоят молоденькие девчонки. Стоят, курят, вот как мы сейчас, и ждут, когда какой-нибудь старый маразматик польстится на их прелести...

– Но при чем здесь Алька? Думаете, она тоже бывала на Невском?

– У нас есть неопровержимые доказательства, что убийство Потаниной – дело рук Мясника. Может быть, слышали об этом извращенце?

Андрей покачал головой:

– Не слышал.

– Ах да, вы же не местный... Так вот, Мясник убивает только тех девушек, которые занимаются проституцией.

– Но это не дает вам права причислять Алевтину Потанину к... вышеупомянутой категории. – Андрей чувствовал, что заводится, но был уже не в силах остановиться. – Чем читать мне лекции о нравственности молодежи, не лучше ли вам заняться поиском настоящих убийц. Проще всего все нераскрытые дела свалить на некоего маньяка. Или в Питере так принято работать?

Некоторое время Парамонов холодно смотрел на собеседника, а затем вежливо улыбнулся и встал:

– Надеюсь, лекция вам понравилась.

Его невозмутимость немного отрезвила Андрея. Он прекрасно понимал, что поступает глупо, по-идиотски, но ничего не мог с собой поделать. Ему хотелось выпустить пар, выместить на ком-нибудь свою бессильную ярость, и не его вина, что этот майор попался ему под горячую руку. Однако спустя мгновение злость куда-то улетучилась, уступив место сожалению.

«Черт, нехорошо получилось», – подумал Андрей и повернулся к Парамонову, чтобы объясниться.

Однако художавого майора рядом не оказалось. Он ушел незаметно, не попрощавшись. Но его уход не был похож на бегство. Просто он решил не тратить свое драгоценное время на какого-то субъекта, готового с легкостью обвинить кого угодно в смерти девушки, с которой даже не был знаком...

И в этот момент Андрей вдруг отчетливо осознал: все, что говорил Парамонов об Альке Потаниной, правда. Голая, очевидная правда, бесстыдно-обнаженная, как тело проститутки. Голубоглазый майор не врал. В наше беспокойное время, когда почти все измеряется количеством бабок в твоём кошельке, многие девчонки подрабатывают на панели. Торгуют своим телом, потому что заработать на жизнь другим способом практически невозможно. Естественно, что эта адская работа опасна. Можно заразиться СПИДом, можно сесть на иглу, можно спиться, можно вляпаться в какой-нибудь криминал, и, наконец, тебя могут убить. Как убили Альку...

Андрей твердо решил, что сегодня же вечером он отправится на Невский, потому как Невский – это замкнутый микромир со своими законами, такой же, как Монмартр, Ватикан

или Государственная дума. И если Алька в самом деле была связана с этим миром, то там должны остаться какие-то концы, потянув за которые можно распутать это грязное убийство.

Глава 5 ГОРЯЧАЯ ТОЧКА

В ночном баре было душно и шумно. Громкая музыка, что-то из разряда дешевой попсы, давила на уши. За столиками сидели юные любительницы экстравагантных приключений и откровенно строили глазки потенциальным клиентам. Почти все посетители почему-то заказывали недорогой кофейный ликер, после которого нестерпимо хотелось пить, и беспрестанно курили. Из-за плохой вентиляции в зале стоял спертый воздух, и, казалось, в этом помещении невозможно было высидеть больше трех минут. Однако за те полчаса, пока Андрей «наслаждался» вкусом кофейного ликера, из бара по собственной инициативе не ушел никто. Двоих хорошенько поддавших парней, которые вдруг ни с того ни с сего попытались затеять драку, силой вывели охранники. Один из посетителей покинул бар в сопровождении девицы легкого поведения. А все остальные продолжали тащиться от попсы, пускать в потолок кольца сизого дыма и медленно накачивать себя спиртным.

Этот бар на Невском Андрей выбрал не случайно. Знающие люди подсказали, что после одиннадцати вечера там можно снять симпатичную подружку для ночных забав. Причем не какую-нибудь потасканную алкоголичку не первой свежести, а вполне приличную юную девочку, лет этак семнадцати. Главное, не суетиться и особенно не высовываться, и девочка сама к тебе подойдет. Сама же и сообщит таксу, а там уж выбирай – по карману тебе такой вид отдыха или нет. Если не по карману, так и скажи, она отвалит безо всяких обид.

С тех пор, как Андрей переступил порог бара, прошло полчаса. Но никто из девушек даже не попытался с ним заговорить. Андрей понимал, что сам он мало похож на скучающего богатенького Буратино – лицом не вышел, да и шмотки явно не от Кардена. Но если судить по обстановке, сюда ведь заглядывают не только Биллы Гейтсы! Взять хотя бы того бритого парня в джинсовке за соседним столиком. Ничем не примечательный субъект, а не успел даже пригубить из своего стакана, как тут же стал объектом пристального внимания рыжеволосой красотки в коротком платье, облегающем фигуру, будто бы вторая кожа. Девушка быстренько подсуетилась, присела рядом, раз-два, и парень в джинсовке начал откровенно облизываться, словно мартовский кот...

В тот момент, когда Андрей уже совсем потерял надежду, за его спиной послышался приятный голосок:

– Привет, красавчик. Скучаешь?

Андрей обернулся и увидел высокую черноволосую девицу, стоявшую в полуметре от его столика. Девушка призывно улыбалась, демонстрируя белоснежные, ровные зубы.

– Может быть, пригласишь даму за свой столик? И угостишь чем-нибудь?

– Садись, – кивнул Андрей.

Девушка опустила на краешек стула, профессиональным движением закинула ногу за ногу и, щелкнув замочком ридикюля, вытащила из него пачку сигарет. Ее длинные ногти, окрашенные ярко-красным лаком, притягивали внимание Андрея, словно магнит, и он с трудом заставил себя посмотреть в лицо девушке. На вид ей можно было дать не больше восемнадцати. Большие карие глаза, крупный чувственный рот делали ее похожей на молодую Софи Лорен, но в отличие от знаменитой кинодивы проститутка была не столь идеально сложена.

– Что будешь пить? – спросил Андрей.

– То же, что и ты, котик. – Девушка томно улыбнулась и провела кончиком языка по губам. – Тут так жарко, что я просто умираю. Меня, между прочим, Ладой зовут. А тебя, котик?

Андрей невольно поморщился – никогда в жизни его не называли «котиком». Но здесь, в этом полутемном баре, были свои негласные правила, не соблюдать которые Андрей не имел права.

– А меня зовут Андреем, – представился он и тут же спросил: – Давно здесь работаешь? Лада вскинула тонко выщипанные брови и ненатурально засмеялась.

– Ты это о чем, котик?

Догадавшись, что сморозил глупость, он попытался исправить положение.

– Я хотел спросить, как часто ты здесь бываешь?

– Каждый вечер. А что?

– Да нет, ничего. Что-то я раньше тебя здесь не видел.

– Можно подумать, что ты раньше здесь бывал, – усмехнулась Лада. – Всех завсегдатаев я в лицо знаю. Ты, котик, здесь впервые. У меня глаз наметан. И не надо мне лапшу на уши вешать.

– Ты права, – кивнул Андрей. – Я здесь впервые. Но я знавал одну девчонку, которая из этого кабака не вылезала. Она говорила, что по вечерам найти ее можно только здесь. Собственно говоря, ради нее я сюда и пришел. Вот ведь зараза какая, ни адреса не оставила, ни телефона, только название этого кабака. Но я поклялся себе, что найду ее...

Такое многообещающее начало не могло оставить Ладу равнодушной. Как и любая другая молоденькая девушка, независимо от рода занятий, она обожала романтические истории. Это же только в кино такое бывает – вполне приличный на вид мужик по уши влюбляется в проститутку, а потом ищет ее по всему городу. На накрашенной мордашке Лады сразу появился интерес.

– И как, нашел?

– Что-то не видно. Наверное, еще не пришла.

– А как ее зовут?

– Алька. Высокая такая, красивая. Ну, почти как ты. Только у нее волосы светлые и глаза серые.

На комплимент Лада отреагировала польщенной улыбкой.

– Алька, говоришь? – с готовностью переспросила она. – Высокая и светленькая?

– Ну да. Ты ее знаешь?

– Трудно сказать... Но если она бывает в этом баре каждый вечер, то, наверное, знаю. Я всех наших знаю.

– У меня есть ее фотография. Показать?

– Давай, – согласилась девушка и, взяв со стола стакан Андрея, сделала большой глоток ликера.

Андрей тем временем вытащил из кармана снимок Альки Потаниной и протянул его Ладе. В баре было темновато, поэтому девушке пришлось подносить фотографию к самым глазам. Несколько минут она внимательно рассматривала Алькино лицо, а потом разочарованно вздохнула.

– Котик, мне тебя искренне жаль! В нашем баре эта девица не тусовалась.

– А где тусовалась?

– Почему ты меня об этом спрашиваешь? – мгновенно насторожилась Лада. – Я откуда знаю?

– Понимаешь, я познакомился с ней здесь неподалеку. У гостиницы «Невская». В прошлую пятницу. В кабаке хорошо посидели, потом поехали ко мне.

– Ага, любовь до гроба, – криво усмехнулась девушка. – Тебе что, нужна именно она? Может быть, я смогу ее заменить? А, котик?

– Очень может быть, – кивнул Андрей, – но... пожалуй, в другой раз. Сегодня никак не получится.

Не скрывая своего разочарования, Лада встала. За несколько секунд на ее лице отразились самые разнообразные чувства – досада, злость, усталость. Было видно, что начинать раскрутку нового клиента ей не очень-то хочется.

И в этот момент произошло непредвиденное. Входная дверь резко распахнулась, и в бар ворвались трое головорезов с автоматами наперевес. Они двигались вполне профессионально – один впереди, двое на шаг сзади. Охранник, стоявший у самой двери, даже не успел выхватить пистолет – короткая автоматная очередь переломила его пополам. Его напарник – накачанный верзила в кожанке – получив смертельный удар по шее, рухнул на пол, прямо под ноги влюбленной парочке. Все это произошло настолько быстро, что никто из присутствующих не успел даже дернуться. Лишь третий охранник, самый осмотрительный, осторожно отступил в тень. Там находилась дверь, ведущая в кухню, которой он и надеялся воспользоваться: под шумок смыться за помощью. Увы, ему это не удалось – один меткий выстрел, и охранник с хрипом повалился на пол.

– Всем сидеть! – заорал один из вооруженных парней, самый молодой и самый наглый, и для пущей убедительности дал короткую очередь в потолок.

В баре воцарилась тишина. Посетители, стараясь не делать лишних движений, с ужасом наблюдали за тем, как юнец с ехидной улыбкой осматривает зал.

– Что, суки, притихли? – негромко и совсем не зло спросил он. – В штаны со страху насрали?

Желающих отвечать на этот вопрос не нашлось – каждый, на ком останавливал взгляд юнец с автоматом, тут же опускал глаза. И только Андрей не сделал этого, рассудив, что бояться отморожков ему, майору уголовного розыска, зорно. В Москве он и не таких крутых обламывал, и ничего, жив-здоров...

Его вызывающий взгляд не остался незамеченным. Когда юнец понял, что один из посетителей его не боится, то искренне удивился. Вскинув оружие, он передернул затвор и двинулся к столику Андрея. Лада негромко всхлипнула и вцепилась в рукав его куртки. Затем пробормотала сквозь зубы что-то похожее на ругательство. Юнец же, указав на девушку дулом автомата, приказал:

– Иди сюда, сучка! Быстро!.. Ты-ты, и нечего по сторонам зыркать!

Андрей сделал попытку сунуть руку в карман – там у него лежал «глок». На этот жест бандит отреагировал немедленно.

– Стоять, козел! Не двигаться! – проорал и перевел дуло автомата на него. – Руки по швам!.. И отойди от этой сучки, если не хочешь схлопотать пулю!

Андрей медленно вытащил из кармана зажигалку.

– Но покурить-то можно?

Фраза попала точно в цель – на лице юнца появилась растерянность. На долю секунды он выпустил из поля зрения Андрея, и тот воспользовался ситуацией. Рубленным ударом справа он нокаутировал юнца и, когда тот начал медленно оседать на пол, вырвал у него из рук автомат. Бандиты, стоявшие у выхода, оторопели. Пока они соображали, что к чему, Андрей полоснул короткой очередью чуть повыше их голов, затем направил автомат на лежавшего в отключке юнца.

– Бросай оружие, руки за голову, лицом к стене! – скомандовал он.

Один из бандитов послушно выполнил приказ – автомат с грохотом полетел на пол. Второй же вдруг сделал резкий выпад в сторону и, схватив за волосы стоявшую поблизости официантку, прикрылся ею, словно щитом. В его руке, словно по мановению волшебной палочки, появился «ТТ», дуло которого тут же уперлось в голову несчастной девушки.

– Бросай пушку! – проорал бандит. – Иначе я продырявлю башку этой дуре!

Его кореш, опомнившись, тут же подхватил свой автомат, передернул затвор и направил оружие на Андрея. Обстановка опять вышла из-под контроля.

Андрей чувствовал – еще мгновение, и этот отморозок выстрелит.

«Черт, что же делать?» В следующую секунду его взгляд уперся в юнца, все еще пребывавшего в отключке.

– Я пристрелю этого сосунка. – Носком ботинка он пнул его под зад. – Мне терять нечего, и вы это знаете! Поэтому предлагаю обмен: вы забираете своего кореша и сматываетесь. И больше никаких трупов.

Надежды на то, что бандиты примут его условия, было мало. Но даже эта небольшая отсрочка играла Андрею на руку. Ведя пустые переговоры, он тянул время, так как видел, что официантка вот-вот грохнется в обморок. Он ждал этого момента с огромным нетерпением и напряжением, так как знал – когда девушка потеряет сознание, бандит, державший ее под прицелом, не сразу сообразит, что же ему, сердечному, делать. Официантка обмякнет, ее тело станет тяжелее, и отморозок вынужден будет либо отпустить ее на мгновение, чтобы обхватить поудобнее, либо на долю секунды убраться от ее виска пистолет.

«И вот тогда все будет зависеть только от меня», – подумал Андрей. И тут же напрягся, так как почувствовал, что официантка вот-вот «дозреет». На какое-то мгновение лицо девушки стало совсем серым, глаза закатились, и, не издав ни единого звука, она потеряла сознание. Бандит запаниковал и опустил руку с пистолетом. Андрей тут же вскинул автомат и, почти не целясь, нажал на курок, плавно передвигая ствол вправо.

Он не слышал выстрелов – от напряжения заложило уши. Зато вдруг стал видеть все, что происходит вокруг, как бы в замедленном действии. Он видел, как одна из пуль пробила череп отморозка, как хлынула кровь прямо на белый передник официантки, как второй бандит кулем осел на пол.

«Хватит!» – мысленно приказал он себе и перестал нажимать на курок.

А в следующее мгновение прямо перед собой увидел испуганно-восхищенные глаза Лады и, почувствовав в своей ладони ее прохладные пальцы, услышал торопливый шепот:

– Смываемся... быстро... ну!

Он понял, что Лада права, – ему не стоит светиться в этом кабаке. И не стоит терять время на размышления, а надо мчаться из этого проклятого места изо всех сил...

* * *

– Все, я пас, – тяжело выдохнула Лада и остановилась. – Не могу больше.

Тяжело дыша, она прислонилась к стенке старого дома и обессиленно опустила руки. По ее лицу текли ручейки пота, тщательно уложенные в прическу волосы рассыпались по плечам. После долгой пробежки от макияжа не осталось и следа, и только на полных губах каким-то чудом сохранилась ярко-красная помада.

Оглядев девушку насмешливым взглядом, Андрей сказал с подначкой:

– Что, устала?.. Спортом надо заниматься, тогда и уставать не будешь.

Сам же он чувствовал себя очень даже неплохо. Особенно если учесть тот факт, что последние пятнадцать минут они с Ладой в бешеном темпе носились по ночным питерским дворикам. Заметали следы. И вроде бы вполне успешно.

– Сейчас там, наверное, такое началось! – нервно хихикнула Лада. – Ментов понаехало, да и наши братки, наверное, на ушах стоят. Как-никак, погром на их территории. Слава богу, что вовремя смылись.

– Согласен, – кивнул Андрей и достал из кармана пачку «ЛМ».

Странно, но, когда они выскочили из бара, им даже в голову не пришло взять такси. Только сейчас, спустя почти полчаса, он по достоинству оценил это интуитивно принятое решение. Ведь гораздо проще и безопаснее покинуть место происшествия на своих двоих, никого не нервируя и не подставляя. Как-никак, на его совести смерть двух людей. Даже если учесть, что он просто защищался, а убитые – отъявленные бандиты, объяснений с оперативниками не избежать. А ему этого не очень-то хотелось. Да и Лада, судя по всему, не жаждала встречи с блюстителями порядка. Интересно, почему?

– Дай мне сигарету, – попросила девушка.

– Держи. – Андрей протянул ей пачку. – Только у меня крепкие... Мне кажется, в баре ты курила «Вог»?

– А, все равно, – махнула рукой та. – Курить страшно хочется, а свои я с перепугу оставила на столике... – Она щелкнула зажигалкой, глубоко затянулась и уселась прямо на траву. Сняла туфли, небрежно отставила их в сторону и с видимым удовольствием вытянула вперед длинные ноги. Затем порылась в сумочке и достала оттуда маленькую бутылку виски. – Хочешь?

– Нет, спасибо, – отказался Андрей.

– А я, пожалуй, сниму напряжение. – Лада отвинтила крышку и сделала несколько глотков.

Они молча курили. Андрей думал о том, как нескладно это у него получилось: пошел в кабак, чтобы узнать кое-что об Альке, а вместо этого взял да и вляпался в историю со стрельбой и трупам.

– А ты, Андрей, парень не промах, – вдруг сказала девушка. – Здорово ты их подстрелил. Как куропаток! Вообще-то эти сволочи давно нарывались.

– Кто они?

– А, козлы малолетние. С Покровки. На зоне чалились без году неделя, а самомнение, как у крутых урок. Насмотрелись американских боевиков и решили разделить территорию. Небось думали, что это легко и просто – автоматом помахал, пару охранников пришил, и все, кабак твой. Козлы! Они давно к нам подгробались. Вначале по-хорошему, потом, когда поняли, что дело не сладится, решили немножко попугать. Поймали Колю-бармена, избили до потери сознания... Можно подумать, что Коля тут что-то решает!

– А кто решает?

– Ну, а тебе-то какая разница? Тот, кто решает, в наш кабак никогда не заглядывает и с такими девками, как я, не спит. Он если и развлекается, так не в нашей дешевой забегаловке!

– Такой крутой?

– Круче не бывает, – сказала она и вдруг добавила: – Кайзером зовут... Слышал?

– Откуда? Я ведь не местный. Из Москвы.

– Ну, Кайзера и в Москве знают.

– Какой-нибудь закоренелый урка?.. Или из новых? Тех, кто не сидел?

– Не знаю. По виду – вполне приличный. Ведет себя как джентльмен... Ой, что-то я совсем разболталась, – рассмеялась Лада. – Хотя ты вроде бы не из трепливых, а? И не из трусливых?.. Скажи, а почему ты вдруг решил проучить этих козлов малолетних?

– Не люблю, когда кто-то пытается заставить меня делать то, что я не хочу... Слушай, а почему ты вдруг решила смыться? Если это твоя территория и ты на ней честно работаешь, то чего тебе бояться?

Лада томно закатила глаза и повела плечами.

– Чего-чего... А того, что не хочу влезать в дерьмо.

– То есть?

– Вот скажи мне, котик, в баре стреляли?

– Стреляли.

– Значит, жди ментов. А эти гаврики, когда приедут, начнут трясти всех, как липку, проверять документы.

– А что, у тебя их нет? Или они фальшивые?

– Документы-то есть. Только если менты в них заглянут, мне мало не покажется. Я ведь еще в школе учусь, десятый класс заканчиваю.

– Ого! – искренне удивился Андрей. – Никогда бы не подумал... Так сколько же тебе лет?

– Через пару недель семнадцать стукнет. Ты только не думай, что я какая-нибудь конечная. Не колюсь, не пью. Только если чуть-чуть, с клиентом... Кстати, о выпивке! Не хочешь поддержать компанию? – Лада вновь отхлебнула из горлышка и протянула бутылку Андрею.

– Спасибо, не хочу. Да и тебе не советую.

– Брезгуешь? – В голосе Лады послышалась обида. – Ну и зря. Я ведь ничем не больна, между прочим. Да и этим самым занимаюсь не очень-то давно. Всего полгода... Да ты не смотри на меня так, будто я прокаженная. Можно подумать, ты никогда с проститутками дела не имел. – Она опять приложилась к горлышку.

Андрей опять с досадой подумал, что сегодняшний вечер для него складывается не самым удачным образом: мало того, что пришлось ввязаться в бандитские разборки, так еще на горизонте маячит перспектива нянчиться с пьяной проституткой... А Лада между делом изрядно накачалась виски и перешла к пьяным откровениям:

– Вообще-то мне самой не очень-то по кайфу этим заниматься. Кому охота ублажать этих старых убудков? Да пусть бы они все передохли! Но, что поделаешь, приходится терпеть и делать то, что приказывают... Вообще-то я всегда мечтала стать актрисой. Вот скажи, я похожа на Деми Мур?

– погоди, я что-то не понял, – перебил Андрей. – Тебя что, заставляют заниматься проституцией?

Лада брезгливо поморщилась и сплюнула на траву.

– Фу, какая это все-таки гадость – виски. Самогон! Самый настоящий самогон! Да и сигареты у тебя дерьмовые. Курить невозможно.

– Эй, ты не уходи от вопроса! Тебя заставляют обслуживать клиентов? Кто?

– Можно подумать, что ты работаешь в ментовке! Такой любопытный, ну просто жуть... Нет, никто меня не заставляет трахаться со всеми подряд. Я сама выбираю, кого хочу, – с вызовом произнесла Лада и вдруг, не сдержавшись, громко всхлипнула. А затем заревела, как пятилетняя девчонка.

Размазывая по лицу остатки косметики, она начала быстро говорить что-то совершенно непонятное. Про какую-то студию, про съемки, про знаменитого продюсера по фамилии Шершнеф, который только с виду приличный мужик, а на самом деле настоящий говнюк. Затем Лада плавно перешла на старых маразматиков, которые заставляют ее переодеваться в пионерскую форму и возбуждаются только после того, как она повязывает им на шею красный галстук. Слушая эту галиматью, Андрей чувствовал, что совершенно ничего не понимает. Однако все это время, пока пьяная Лада делилась с ним наболевшим, он подозревал: ее откровения каким-то образом пересекаются с тем, что случилось с Алькой. Между двумя этими школьницами было что-то общее: обе учились в десятом классе, обе подрабатывали на панели и обе мечтали сниматься в кино.

«Впрочем, то, что Алька подрабатывала на Невском, – недоказуемо, – подумал Андрей. – Никто из постоянных обитательниц этого злчного места не видел ее здесь. А вот о знаменитом продюсере я уже что-то, кажется, слышал. Только где и когда?»

Он попытался вспомнить, но так и не смог. Словно кто-то таинственным образом вычеркнул эти сведения из его памяти.

«Ладно, Корнилов, – мысленно обратился он к самому себе, – не забивай голову разными глупостями. Ты и так сегодня здорово прокололся. Вначале с Невским, затем с этими „отморозками“. Ну какого черта ты лез на рожон? Какого черта устраивал в этом вшивом кабаке перестрелку? Да и с Алькой нехорошо получилось. Записал ее в проститутки, поверив на слово какому-то питерскому майору... Ладно, если уж судьба свела тебя с настоящей шлюхой, так хотя бы узнай у нее что-нибудь о Мяснике. Наверняка девчонки обсуждают между собой подобные проблемы».

Он присел на корточки рядом с Ладой и ласково погладил ее по голове.

– Ну, успокойся, не надо. Вытри слезы и расскажи мне лучше, что поговаривают в ваших краях о Мяснике? Он ведь, кажется, убил несколько ваших девушек.

Реакция Лады оказалась совершенно неожиданной. Она мгновенно перестала плакать и с испугом уставилась на Андрея.

– А тебе-то что? – спросила на удивление трезвым голосом.

– Просто интересно.

– Ври, да знай меру. Простой интерес тут ни при чем! Если бы ты не смылся вместе со мной из кафешки, то я бы решила, что ты – легавый. А про Мясника я знаю не больше твоего. Ко мне он не приставал!

– Ладно, – вздохнул Андрей. – Придется сказать тебе всю правду. Девушка, фотографию которой я тебе показывал, племянница моего друга. Он очень хочет найти убийцу. А я хочу помочь ему в этом.

– Так ты – частный сыщик? – с недоверием переспросила Лада.

– Что-то вроде того, – соврал Андрей.

– А ты меня, случаем, не накальываешь?

– Все более чем серьезно. Поэтому я хочу знать все, что говорят в ваших кулуарах об этом извращенце.

Лада виновато развела руками.

– Извини, ничем не смогу тебя обрадовать. Я – новенькая, и о Мяснике почти ничего не знаю. Девчонки что-то болтали об этом... но все это как-то несерьезно. Во всяком случае, мне так показалось. А та баба, фотку которой ты мне показывал, не работала с нами, это факт. Я тут всех знаю, а она – девица приметная, я бы запомнила.

– Ладно, спасибо за помощь, – вздохнул Андрей и с сожалением подумал, что этот вечер прошел для него впустую.

Он так и не смог ничего узнать об убийстве Альки. Но теперь был уверен на все сто, что на этот раз маньяк ошибся в выборе жертвы. По неизвестным никому причинам он принял Альку за проститутку, и эта ошибка стоила бедной девушке жизни.

Глава 6 ПЕРЕКРЕСТНЫЙ ДОПРОС

На первый взгляд между убийствами молодых девушек, трупы которых были обнаружены в Приморском лесопарке, не было ничего общего. Именно поэтому все четыре дела отдали разным следователям, хотя на Литейном давно поговаривали о том, что надо бы их объединить. Но никто из прокуратуры не хотел брать на себя ответственность, и в результате – ни одно из преступлений не было раскрыто. Вначале, когда на горизонте замаячил призрак нового Чикатило, ГУВД стояло на ушах. На розыски были брошены лучшие оперативники, по телику каждый день передавали сообщение о том, что гулять в Приморском лесопарке не только не рекомендуется, но и крайне опасно для жизни. Однако когда на протяжении двух лет новых убийств не последовало, страсти немного поутихли. На Литейный навешали новые трупы, и дело о сексуальном маньяке тихонечко отошло на задний план. Именно поэтому Парамонову с трудом удалось достать материалы двухлетней давности.

Сидя в своем маленьком, неуютном кабинете, он раз за разом перечитывал показания свидетелей, заключения экспертов, результаты расследования оперативников, которые, не щадя сил и времени, пытались раскрутить эти почти безнадежные дела.

Первый труп, обнаруженный в Приморском лесопарке в марте 1996 года, был учащейся одного из ПТУ Кате Литвиновой. Девушке было восемнадцать лет, училась она весьма посредственно, а все свободное время торчала на Невском – «подрабатывала». До поступления в ПТУ Катя росла в детском доме, родственников у нее не было, близких подруг тоже. Поэтому заявления о розыске никто не подал. Когда Литвинова пропала, ее соседки по общежитию решили, что девчонка ударилась в очередной загул. С Катей такое случалось.

В начале марта в 106-й школе проводились лыжные соревнования, и несколько участников, решив сачкануть гонку, сошли с трассы. Вот тут-то они и наткнулись на припорошенное снегом тело. Никаких документов у погибшей не оказалось. Смерть наступила от огнестрельного ранения в голову примерно месяц назад. Для установления личности были подняты все заявления о розыске молоденьких девушек, но это не дало никаких результатов. Лишь после того, как труп Кати показали по телевидению, в милицию позвонила директор детдома, в котором воспитывалась Литвинова, и сообщила, что погибшая девушка очень похожа на одну из ее бывших учениц.

После опознания дело не продвинулось ни на шаг. Катя вела беспорядочный образ жизни, у нее была масса знакомых, но она ни с кем не делилась секретами своей личной жизни. А если учесть, что с момента наступления смерти прошел целый месяц и на месте преступления не осталось никаких следов...

Вторую девушку обнаружили спустя два месяца почти там же. На этот раз заявление о розыске было. Его оставили родители Жени Гончаренко, но лишь после того, как на них нажал завуч школы, где училась Женья. Из материалов следствия можно было понять, что и матери Жени Гончаренко, и ее отцу было наплевать на то, что их десятиклассница-дочь не посещает школу вот уже две недели. Они были законченными наркоманами, и, кроме проблемы – где подешевле достать «кайф», – их ничего не интересовало.

Женья Гончаренко была застрелена с близкого расстояния, почти в упор, из того же самого пистолета, что и Катя Литвинова. Само оружие, пистолет «беретта», валялось рядом с трупом. На пистолете не имелось никаких отпечатков пальцев, он не был зарегистрирован, поэтому отыскать его владельца оказалось невозможным. Как показывали материалы следствия, Женья Гончаренко совмещала учебу в школе с проституцией, причем и тем и другим занималась вполне добросовестно. У нее были постоянные клиенты, в основном командированные. Был свой сутенер – местный громила по кличке Жорик – и своя такса. Естественно, что подозревае-

мым номер один оказался сутенер. Однако у Жорика имелось твердое алиби – в тот день, когда по предположениям экспертов Женя Гончаренко была застрелена, Жорик находился в КПЗ местного отделения милиции. Туда он попал в результате пьяной драки и нанесения телесных повреждений гражданину Мезенцеву. Спустя несколько дней Мезенцев забрал заявление, и Жорик благополучно оказался вне КПЗ. К этому времени Женя была уже мертва. Так что эту, столь удобную для следствия, версию можно было смело отбросить куда подальше. Нужно было все начинать сначала. Однако никаких серьезных зацепок так и не удалось отыскать.

Третья потерпевшая, восемнадцатилетняя шалава по кличке Фикса, а в миру Федоткина Виолетта Степановна, была найдена в Приморском лесопарке через год, в мае 1997-го. В отличие от первых двух девушек, Виолетта занималась проституцией безо всякого «совместительства» – профессионально, с пятнадцати лет. Она трудилась под крышей «братков» из группировки знаменитого Кайзера и спала преимущественно с иностранцами. Родители Виолетты погибли три года назад в автокатастрофе, она жила со старенькой бабушкой, которая не особенно интересовалась жизнью внучки.

Труп Федоткиной, еще не остывший, обнаружили работники милиции и сразу же вызвали следственную бригаду с Литейного. Рядом с телом девушки валялась ее сумочка, в которой лежал паспорт. Так что оперативникам не пришлось тратить время на то, чтобы установить личность потерпевшей.

Итак, благодаря чистой случайности, сыщики начали свою работу по горячим следам. Но сей факт не принес обнадеживающих результатов: преступник (или преступники?) и на этот раз не оставил никаких серьезных зацепок – всего лишь парочку следов от мужских ботинок да орудие убийства. Естественно, без отпечатков.

В отличие от Гончаренко и Литвиновой, Виолетта Федоткина умерла не от выстрела в голову. На ее теле были обнаружены многочисленные колотые и резаные раны. Нож, которым были нанесены эти ранения, валялся в кустах, метрах в пяти от трупа. Экспертиза показала, что девушка скончалась от потери крови. По-видимому, Виолетту долго и жестоко пытали. Чтобы в парке не было слышно криков, рот ей залепили скотчем, а голову обмотали курткой. Перед тем как уйти, убийца (или убийцы?) перерезал жертве вены на обеих руках.

Вначале оперативники решили, что Виолетту убрали свои же – «братки» или «товарки-конкурентки». Сыщики вплотную занялись этой версией, проверяя и перепроверя всех проституток, работающих под крышей Кайзера. Впрочем, эта версия не подтвердилась, так как, согласно свидетельским показаниям, Виолетта уживалась со своими подругами вполне мирно, а с хозяевами держалась весьма корректно. К ней ни у кого никогда не возникало претензий.

После двух месяцев кропотливой работы оперативники зашли в тупик. И тогда была выдвинута совершенно иная версия – о сексуальном маньяке, который ненавидел девиц легкого поведения. К расследованию подключили профессиональных психиатров, которые и составили психологический портрет преступника. Парамонов с удивлением констатировал, что предполагаемый убийца вполне мог быть причастен к милицейским кругам. Он был явно знаком со всеми тонкостями сыскного дела. Только профессионал мог оставить место происшествия абсолютно чистым. Все три дела объединяло именно это – отсутствие каких-либо улик.

Четвертое убийство случилось спустя два месяца после обнаружения трупа Федоткиной. Стоял жаркий июль 1997 года, в лесопарке гуляло много подвыпивших горожан, в том числе и те, кого в простонародье называют «шалавами». Потерпевшая, которую «зарезали» быстро и умело, также принадлежала к категории риска. Двадцатипятилетняя Лидия Петрова в отличие от остальных жертв преступления уже лет пять не работала на Невском. А слетела она оттуда по очень простой причине – спилась. Теперь Лидка «обслуживала» только местных пьяниц и тех, кто только что «откинулся» из мест не столь отдаленных. Иные особи мужского пола на нее просто-напросто не клонули бы. Лидка-помойка, а именно так называли ее в родном

микрорайоне, отдавалась первому встречному всего за бутылку водки. В тот вечер она вместе со своим дружкой Гогой Минадзе, грузчиком гастронома, отправилась в парк, надеясь подцепить какого-нибудь подвыпившего приезжего. Если верить словам Гоги, Лидке это удалось: он видел, как девушка подсаживалась на лавочку к пьяному мужику лет двадцати семи. Парень едва держался на ногах, и Гога засомневался, удастся ли Лидке его раскрутить. Однако девушка показала своему дружку большой палец, а затем сделала весьма характерный жест, мол, давай побыстрее отваливай. Гога отвалил, решив подождать подругу у себя дома. Но в тот вечер Лидка так и не пришла. А на следующее утро ее труп обнаружили в Приморском лесопарке.

Сыщики с Литейного тут же принялись искать того самого подвыпившего мужика, которого накануне успешно «сняла» Лидка. Но, кроме Гоги, этого парня никто не видел. А Гога был здорово пьян и даже не смог толком описать подозреваемого. По его словам, Лидкин хахаль был высокий блондин, одетый в кожаную куртку. Он сидел на лавочке в укромном уголке парка и цедил из банки импортное пиво. Под такое расплывчатое описание запросто подходил каждый пятый, поэтому проверить, говорит Гога правду или врет, не представлялось возможным.

После четвертого убийства в коридорах Литейного поползли слухи, что дело взято на контроль Генеральной прокуратурой. Парамонов прекрасно помнил, как волновались его коллеги, задействованные в раскрытии этих преступлений. Но со временем страсти поутихли. Маньяк затаился, убийств больше не было, и все вздохнули с явным облегчением. Но через год и девять месяцев вновь произошло убийство. И вновь в Приморском лесопарке. На этот раз жертвой преступления стала самая обыкновенная питерская школьница...

«Кажется, моя версия о том, что маньяк убивает только проституток, разваливается на глазах, – с грустью подумал Парамонов и тут же спросил у самого себя: – А с чего ты решил, что эта Потанина не была проституткой? Ведь результаты экспертизы показали, что перед смертью девчонка применяла сильнодействующие психотропные вещества и имела сношения с несколькими партнерами почти одновременно. И делала это не в парке, а в месте, гораздо более приспособленном для группового секса».

От этих мыслей майору стало не по себе. Ему очень понравилась мать Алевтины Потаниной, и, вспоминая Анастасию Петровну, он никак не мог поверить, что ее дочь могла заниматься чем-то подобным. Однако времени для сантиментов у него не было. Прошло более двух суток с тех пор, когда был обнаружен труп Потаниной, а Парамонов все еще не решил – в каком направлении двигаться.

Показания Анастасии Петровны Потаниной, которые она давала сразу же после опознания, были расплывчатыми и весьма субъективными. По словам матери, в тот вечер Алька ушла из дома часов в пять, предупредив, что задержится. Где и почему, естественно, не уточнила. Сама же Анастасия Петровна об этом не спросила, так как разговор велся на ходу. Они столкнулись в дверях, и на вопрос матери: «Когда вернешься?» – Алька ответила: «Завтра утром... Иду к Вере учить роль».

Еще Анастасия Петровна уверяла, что Алька почти всегда ночевала дома, школу посещала исправно, а если и задерживалась допоздна, то по уважительной причине – в театрально-драматической студии. В том, что у Алевтины не было мальчиков, Анастасия Петровна была уверена на все сто. Как, впрочем, и в том, что до этого страшного происшествия в лесопарке ее дочь была девственницей.

В тот же день Парамонов попытался отыскать эту самую театральную студию, где Алька Потанина занималась сценическим мастерством. И конечно же, не нашел. Он опросил всех ее школьных друзей в надежде узнать что-то новое. И ничего не узнал. Только то, что Алька была очень скрытной и никогда не делилась с друзьями подробностями своей личной жизни. Вывод напрашивался сам собой – не исключено, что потерпевшая подрабатывала на панели.

Поразмыслив, Парамонов решил не открывать матери всей правды. Зачем травмировать несчастную женщину, если от горя и слез она и так не находит себе места. Пусть она верит в то, что ее дочь вела праведный образ жизни. Переубедить ее в этом незачем.

От своих коллег, занимающихся проблемами проституции, Парамонов узнал, что Алька Потанина не промышляла на Невском. Возможно, у нее имелись постоянные клиенты, которым она уделяла те самые часы, когда якобы посещала студию. В таком случае у нее должен был быть опытный сутенер, которого следовало найти и допросить. Но где его искать? В том районе, где жила Потанина? Для того чтобы проделать эту колоссальную работу, требовалось как минимум человек десять. Но на расследование, как всегда, выделили слишком мало оперативников – всего троих, включая самого Парамонова.

Немного поразмыслив, он решил, что начинать следует все-таки с Невского. Ведь все потерпевшие, кроме Потаниной, так или иначе были связаны с этой улицей. И погибшая Фикса, и детдомовка Катерина Литвинова, и даже Лидка-помойка. Вот только Женя Гончаренко работала у себя в районе, но ее сутенер был отлично знаком с ребятами Кайзера – негласного хозяина Невского.

Сам Кайзер, а в миру Казимир Петрович Тепляков, уже давно мозолил глаза Парамонову. Парамонов был уверен, что почти все заказные убийства, совершаемые в Питере и области, организованы Кайзером. Однако подступиться к нему официальным путем было невозможно. С точки зрения закона Кайзер был чист. К тому же «дружил» с милицейским начальством и имел ушлых адвокатов. Поэтому его «мальчики» всегда выходили сухими из воды. Но ни для кого не было секретом, что вот уже пять лет Невский по праву считается его законной территорией. За эти годы капитал Кайзера разросся до внушительных размеров. Благодаря кругленьким суммам на его счетах, все уже забыли, что когда-то Кайзер был уголовником – сидел в местах не столь отдаленных за разбой с применением огнестрельного оружия. Теперь он слыл уважаемым человеком, «покровительствовал» начинающим бизнесменам, хотя в самом бизнесе не разбирался. Но зато Кайзер разбирался в гораздо более прозаичных вещах: как устранить зарвавшегося конкурента, как заставить должника платить по счетам. У него была надежная команда головорезов, несколько крутых тачек, шикарный особняк в городской черте, дача невероятных размеров и огромный дог по кличке Боря. Кайзер был невероятно самолюбив. Когда на его территории случалось ЧП (а убийства проституток вполне можно было отнести к разряду «чрезвычайных происшествий»), он из кожи вон лез, чтобы во всем разобраться по справедливости. Виновных наказывали, потерпевших поощряли, а сам Кайзер тихо отваливал в сторону. До поры до времени, разумеется...

О «справедливом» правлении Кайзера Парамонов знал не понаслышке и был уверен, что об убийствах в Приморском лесопарке крестному папаше известно гораздо больше, чем всем сыщикам с Литейного. Но вряд ли хозяин Невского станет делиться с оперативниками этой информацией. Подступиться к нему у Парамонова не было никаких шансов.

Впрочем, один совсем малюсенький был. И воспользоваться им стоило.

* * *

Василий Акатьев, известный на весь Невский сутенер по кличке Артист, сидел на крючке фээсбэшников крепко и надежно. Лет семь назад, когда секс-бизнес только начинал набирать обороты, Артист взялся за одно дурно пахнущее дело: поставлять проверенным клиентам «мартышек» – девчонок до шестнадцати, и причем «целочек». Он находил их в парках, во дворах, на дискотеках, где эти тринадцатилетние Лолиты, устав от постоянной опеки родителей, пытались претворить в жизнь свои романтические мечты. Под оглушительные композиции Цоя и Гребенщикова они крутили тощими задами и зыркали глазенками направо и налево,

старались во всем походить на своих сверстников из-за кордона. Пусть антураж не тот, зато желания жить «по-западному» хоть отбавляй.

Уговорить их поработать за твердую валюту не составляло большого труда. Малышки пахали будь здоров, иногда только за какую-нибудь импортную шмотку вроде джинсов, и особенно не выступали. Они считали Артиста своим благодетелем, так как благодаря ему сумели подняться над своими сверстниками хотя бы в материальном отношении. Вскоре на их задниках Василий сумел сколотить неплохой капитал. Он купил себе четырехкомнатную квартиру, фирменную тачку, дачу. Денег хватало на скачки и прочие азартные игры. Естественно, обучением девочек Артист занимался лично, да и после того, как, потеряв девственность, они переходили во вторую, более низшую категорию, не упускал возможности попользоваться их услугами.

Все шло хорошо до тех пор, пока однажды Артист не попался. Если бы он работал с совершеннолетними, отвертеться не составило бы большого труда. А так его накрыли в машине с «мартышкой», которой едва исполнилось двенадцать.

Попав в милицию впервые в жизни, «промокашка» не выдержала и раскололась. Артисту грозил солидный срок, но тут произошло чудо. Да, чудо в самом прямом смысле этого слова – ему предложили стать стукачом. То есть работать на ФСБ. Понятно, что Артист согласился, так как перспектива оказаться черт знает где, да еще в одной компании с «отмороженными» «урками» его ничуть не радовала.

Дело о растлении малолетних закрыли, Акатьева заставили подписать какие-то бумаги, а затем отпустили на все четыре стороны, предупредив о неразглашении тайны вербовки. Даже квартиру и машину не тронули. С тех самых пор он встречался со своим куратором примерно раз в месяц и, получая весьма конкретные задания, всегда их выполнял. Задания, по правде говоря, были просты – подложить под конкретного иностранца конкретную девицу с «жучком» и мягко отвалить в сторону. В какой-то мере Артист даже гордился выполняемой работой. Это же надо, он, Васька Акатьев, помогает фээсбэшникам разоблачать иностранных шпионов! Но в последние несколько лет характер заданий резко изменился. Теперь Артист подкладывал своих девочек под депутатов Госдумы, под известных политиков, под бизнесменов, и это ему не очень-то нравилось. Тем более что он давно уже имел постоянную «крышу» в лице братков Кайзера, и иногда те самые депутаты, на которых он помогал собирать компромат, являлись его негласными боссами. Но признаться братве в том, что он давно сидит на крючке у ФСБ, Артист не мог. Он знал, что это признание может окончиться очень печально...

Короче, Артист оказался между двух огней и от этого чувствовал себя полным кретином.

В воскресенье утром ему вновь позвонили, и он несколько не удивился, хотя с момента их последней встречи прошла всего неделя. С самого утра Артист чувствовал, что сегодня что-то произойдет. Что-то неприятное. Поэтому, когда радиотелефон принялся нервно попискивать, без промедления снял трубку, хотя в такое раннее время обычно вообще не отвечал на звонки.

– Слушаю?

– Василий Александрович, здравствуйте! – послышался знакомый, чуть хрипловатый голос куратора.

– Здравствуйтесь, – сдержанно отозвался Артист.

– Как поживаете?.. Как здоровье?

– Нормально.

– Нужно встретиться, и побыстрее. Желательно в первой половине дня.

«Сволочи, – подумал Артист. – Вот приперло им, и весь разговор. Бросай все на свете, лети встречаться с ним...»

Однако вслух сказал другое:

– Хорошо. В одиннадцать.

Когда в трубке послышались короткие гудки, Артист грязно выругался и в сердцах пнул ногой королеву стриптиза, танцовщицу ресторана красавицу Машу Коновалову, которая сладко посапывала рядом.

– Подъем, корова!

Маша приоткрыла сонные глаза, напустила на хорошенькую физиономию обиженное выражение и с усилием проговорила:

– Ты че, Васек, совсем того? Я ж легла в пять...

– А мне насрать, во сколько ты легла! Вставай и марш на кухню варить кофе. У меня через полчаса деловая встреча.

– Так бы и сказал, а то орешь как резаный.

Маша была девушкой необидчивой, к тому же Артист щедро оплачивал ее расходы. Поэтому она быстро выскользнула из-под одеяла, набросила на себя тонкий пеньюар и, шлепая по полу босыми ногами, направилась на кухню. Оставшись один, Артист закурил и принялся размышлять. А думал он о том, что в последнее время фортуна совсем отвернулась от него. Девчонки стали наглыми и жадными, норовят вытащить у клиента побольше бабок, но – в свою пользу. Про него, Артиста, никто не думает. То ли дело раньше! Тогда за вечер он мог зарабатывать пять сотен зеленых чистыми. А теперь приходится делиться с братками, да и девчонок содержать в приличных условиях. А то глазом моргнуть не успеешь, как слиняю к другому «папе», и он, Артист, останется с голой задницей. И что тогда? Как жить? Куда он сунется со своим незаконченным филологическим? Разве что в газету какую-нибудь корректором. А там месячная зарплата – раз в магазин сходить...

– Милый, завтрак готов. – Нежный голосок Маши заставил Артиста отвлечься от мрачных мыслей. Девушка поставила поднос прямо на кровать, юркнула под одеяло и, прижавшись к нему всем телом, зашептала: – Дорогой, ты не представляешь, какой шикарный браслет я видела у Люськи! Баксов за пятьсот...

– Я понял, – сухо перебил Артист. – Поговорим об этом, когда вернусь. А сейчас, ради бога, заткнись.

Двумя пальцами он подцепил бутерброд с икрой, сунул его в рот и тут же сделал глоток крепкого кофе. Зажмурился от удовольствия. На мгновение жизнь показалась ему не такой уж и мрачной, особенно если вспомнить, что большая часть населения необъятной России и мечтать не могла вот о таком...

* * *

Парамонов посмотрел на часы и недовольно поморщился – большая стрелка только что миновала цифру три, а агент Скворцова все еще не соизволил почтить их своим присутствием.

– Ну и где, Пашка, твой Артист? – устало спросил Парамонов, демонстративно постучав по циферблату.

Пашка Скворцов, некогда его бывший сокурсник, а ныне майор Федеральной службы безопасности, лучезарно улыбнулся. Казалось, ничто на свете не могло испортить его хорошего настроения.

– Да не дергайся ты, ладно? Придет он, никуда не денется. Артист всегда, между прочим, опаздывает, на то он и Артист. – Скворцов подмигнул и, чуть понизив голос, предложил: – Давай лучше выпьем! У меня все с собой – и закусь, и бутылка хорошего армянского коньяку.

– Выпьем, – кивнул Парамонов. – Обязательно выпьем, но после того, как я поговорю с Акатьевым.

На лице Скворцова появилось обиженное выражение.

– Черт побери, Парамонов, ты каким был, таким и остался – неизменно правильным, – с досадой крикнул он. – Видимся раз в три года, да и то по делу. Если бы тебе не приспичило поговорить с этим чертовым сутенером, то шиш бы и позвонил. Я ведь прав?

– Прав, Пашка, сто раз прав. И насчет того, что видимся только по делу, и по поводу моей правильности. Извини, но у меня столько работы, совсем замотался.

– Старых друзей нехорошо забывать, – укоризненно покачал головой Скворцов. – А работы у всех выше крыши. Так что не думай, что ты один тут такой деятельный.

– А я и не думаю, – пожал плечами Парамонов. – Кстати, спасибо, что откликнулся на мою просьбу. Артист как раз то, что надо. Что-что, а вот агентов подбирать вы умеете. Даже зависть берет – что ни выстрел, так в десятку.

– Ну да, – хвастливо усмехнулся Скворцов. – Что есть, то есть: агенты у нас – высший класс. Только смотри своим не проболтайся, что я тебе этого Артиста на пару часов одолжил. А то если начальство узнает, не сносить мне головы. Хоть мы и работаем на одну идею и на одного хозяина – на наш многострадальный российский народ, – ведомства у нас разные. А между вами и нами всегда была конкуренция. Это я по старой дружбе тебе помогаю. Да и должок за мной...

Не успел он договорить фразу, как в дверь позвонили. Скворцов мгновенно напустил на лицо суровое выражение, легко поднялся с дивана и упругим шагом двинулся в прихожую. Вернулся через пару минут с низеньким, полноватым мужчиной лет тридцати пяти. Незнакомец тяжело пыхтел и беспрестанно промокал большим клетчатым платком поблескивающую от пота лысину.

– Здрасьте, – быстро поздоровался он с Парамоновым и затравленно оглянулся.

Парамонов кивнул и с любопытством оглядел Артиста с ног до головы, мысленно прикидывая, какую же тактику в разговоре следует выбрать.

– Садись, Артист, – приветливо предложил Скворцов и кивнул на свободное кресло. – Садись, а то мнешься, как девица на выданье.

Артист молча опустился в кресло и с вызовом посмотрел на Пашку. Кажется, он взял себя в руки, в его поведении появилась бесцеремонность.

– Сел, ну и что дальше?

– А дальше, если быстро и толково ответишь на все вопросы, отпустим без всякого задания.

Скворцов повернулся к Парамонову и выразительно посмотрел на него. Перехватив этот взгляд, Артист насторожился. Он сразу понял, что задавать вопросы будет этот самый молчаливый «интеллигент» с пронзительно голубыми глазами. Прежде он имел дело только со Скворцовым. И то, что сейчас с ним станет беседовать какой-то другой офицер, показалось ему дурным предзнаменованием.

Парамонов протянул ему фото Алевтины Потаниной.

– Знаешь ее?

– Нет, – быстро ответил Артист, лишь мельком взглянув на снимок.

– А если подумать?

– А что тут думать? Не знаю, и все. На меня она не работает, если вас это интересует!

– А на кого работает?

– Она что, профессионалка?

– Любительница.

Артист расслабленно рассмеялся и небрежно отбросил снимок на столик.

– Ну, тогда это уж точно не ко мне! Я работаю только с профессионалками. Могу сказать одно – эта девица на Невском не появлялась.

– Уверен?

– На все сто. Такую симпатичную мордашку я бы запомнил.

Парамонов вытащил из кожаной папки еще четыре снимка и аккуратно разложил их на столе.

– Ну, а этих девушек, надеюсь, узнал?

Чуть поколебавшись, Артист кивнул.

– Этих узнал. Не всех, правда, но троих точно. Все наши. По крайней мере, когда-то на Невском работали. Только они уже давно того... Не работают.

– Я понял, – кивнул Парамонов. – Назови их имена и фамилии. И расскажи все, что знаешь о них.

– А зачем?

– А затем, – вмешался в разговор Скворцов, – что вопросы здесь задаем мы, а не ты. Ясно?

Артист обиженно нахмурился.

– Ладно. Мне-то что? Их уже давно нет на этом свете. – Он вытащил из кармана пачку «Мальборо» и, сунув сигарету в рот, щелкнул зажигалкой. Выпустил кольца дыма и ткнул пальцем в крайнее фото справа. – Вот эта блондиночка – Катька Литвинова. Работала на Рябчика. Он подобрал ее в порту. Придел, причесал. Вообще-то, девица была с прибабахом. Могла так отбрить, что мало не покажется. Да и совала свой нос куда не следует. Любила поконфликтовать. С девчонками пару раз клиента не поделила, до драки дошло. Потом связалась с черномазыми, насилие отвоевали... Вообще-то, постоянные клиенты на нее не жаловались. А в нашем деле главное что? Чтобы клиент оставался доволен. Неудивительно, что ее в конце концов прикончили.

– За что ее могли убить?

Артист хитро прищурился.

– Так ведь всем известно, что ее маньяк прихлопнул. У него и спрашивайте.

На мгновение Парамонов задумался, а потом неожиданно для самого себя спросил:

– А если представить, что никакого маньяка не было. Кому тогда была бы выгодна ее смерть?

– Не знаю, – пожал плечами Артист.

– А если подумать? – настаивал Парамонов. – Я же не для протокола спрашиваю. Меня интересует твое личное мнение.

Артист ухмыльнулся. Слава богу, что хоть разговаривают на равных, интересуются личным мнением.

– Вообще-то, и без маньяка желающих нашлось бы хоть отбавляй, – начал он. – Черномазые – те ее ненавидели. Эти ребята особенно не церемонятся, для них ведь человека прирезать – раз плюнуть. А уж тем более проститутку. Это все, что я знаю. Но думаю, многим полегчало, когда ее прикончили. Катька любила и умела ввязываться в авантюры. У нее был прямо-таки талант нарываться на разные неприятности.

– А Кайзер?

На лице Артиста появилось неподдельное раздражение. Судя по всему, он уже досадовал на себя за то, что так легко поддался на провокацию.

– При чем здесь Кайзер?

– Ребята Кайзера могли ее убрать? – вмешался в разговор Скворцов.

– Глупости, – неуверенно возразил Артист. – Зачем Кайзеру Катьку убивать? Он ее и в глаза-то не видел!

– А ты?

– А что я?

– У тебя была какая-нибудь причина ее ненавидеть?

– Да вы что? – испугался Артист. – Я что, похож на Мясника? Я же совсем по другому профилю... Да эти шлюхи, между прочим, меня кормят!

Парамонов поморщился и перевернул фотографию Кати Литвиновой.

– Ладно, продолжим. Что можешь сказать об этой?

Несколько секунд Артист внимательно изучал снимок, на котором была запечатлена Женя Гончаренко, а затем как-то неуверенно произнес:

– Вроде бы лицо знакомое, но... Нет, ничего определенного сказать не могу!

– А эта? – Парамонов показал на фото Виолетты Федоткиной.

– Эту знаю, – вдруг улыбнулся Артист. – Классная была телка. Кого-кого, а Фиксу, то бишь Ветку Федоткину, мне искренне жаль. Пропала девчонка ни за что ни про что, а могла ведь далеко пойти. Красавица была, ну просто загляденье, да и мозгов у нее было побольше, чем у других. Я все никак не мог понять, зачем ей-то на Невском стоять? Ей бы в фотомодели или в любовницы к какому-нибудь депутату. А лучше в жены. Характер у нее был золотой. Сколько живу, таких не встречал. Ей-богу, женился бы на ней, если бы не принципы...

– Почему же она занималась проституцией?

– Из-за бабок. У Ветки же был ребенок. Кажется, сын. Или девочка... Родила она лет в пятнадцать. Кто отец, никому не говорила. А может, и сама не знала. Хотя, наверное, знала. А не говорила, потому что не хотела. Она ведь была скрытной до ужаса... Так вот, кроме малыша, на Веткиной шее сидела еще и парализованная бабушка. Вот и прикиньте, сколько требуется денег, чтобы содержать больную старуху и маленького ребенка.

– А родители? Они не помогли?

– Лет пять-семь назад ее родители погибли в автомобильной катастрофе. Ехали на дачу и врезались в грузовик. Только не спрашивайте, кто мог Фиксу пришить. Из наших – никто. Я имею в виду братков. Да и девочки ее любили. Все к ней относились нормально, потому что она была человеком. Понимаете? Я бы сам заплатил сколько угодно, лишь бы узнать, какая сволочь ее прирезала!

– Ладно, вернемся к последней... – попросил Парамонов.

Закурив очередную сигарету, Артист брезгливо ткнул пальцем в фото Петровой и произнес:

– Ну, про Лидку Петрову я могу рассказать немного. Сами, наверное, знаете, что она спилась. Потому и слетела с Невского. У нас ведь строго – пей, да знай меру. А она меры не знала, потому и оказалась под забором. А в свое время была нормальной телкой. Звезд с неба не хватала, но пару-тройку постоянных клиентов имела. В наш бизнес пришла не потому, что хотела заработать. Нет, деньги Лидка тоже любила, но еще больше любила трахаться. Вообще-то, ей нравилось рисковать, нравилась сама атмосфера. Пила, правда, всегда много. До тех пор, пока это не мешало работе, ее терпели.

– Кто сообщил вам о ее смерти?

– Не помню. Кажется, одна из моих девочек. Но я не удивился. В последнее время Лидка только и думала, где и у кого стрелнуть на бутылку. Совала свой нос куда не надо. Запросто могла подставить бывшего клиента. Согласитесь, не очень-то приятно, когда какая-то пьяная шваль пристаёт к тебе на улице и просит дать на выпивку. А когда отказываешь, нагло утверждает, что когда-то спала с тобой. И это при всем честном народе!

– За такие дела могли и заказать.

В глазах Артиста мелькнула настороженность.

– Я этого не говорил.

– А ведь заказ могли сделать и Кайзеру...

Щеки Артиста побелели и затряслись.

– Эту дуру убил Мясник! И нечего все сваливать с больной головы на здоровую! Кайзер тут ни при чем!

– А если при чем?

Несколько минут Артист тупо смотрел прямо перед собой, а затем в его глазах промелькнула догадка.

– Вы что, хотите все повесить на Кайзера?.. Так я в этом деле вам не помощник!

Он демонстративно отвернулся к окну и, вытащив из пачки сигарету, вновь закурил.

– Странно, однако, ты рассуждаешь, – не выдержал Скворцов, до этого времени тихо сидевший в углу и делавший вид, что читает газету. – По-твоему выходит, что твой горячо любимый Кайзер – чист, как новорожденный младенец?

– Ну да, – не моргнув глазом ответил Артист.

Скворцов по-недоброму усмехнулся.

– Уж больно интересная картинка вырисовывается. Девушек, за безопасность которых ты отвечаешь, периодически находят мертвыми. Плюс ко всему перед смертью изнасилованными в извращенной форме. А ты, мать твою за ногу, даже не чешешься, чтобы как-то исправить ситуацию! Девчонки погибают, а ты молчишь, изворачиваешься. И почему это вдруг твоя хваленая крыша оказалась такой дырявой!

– Я говорил Кайзеру, говорил, – залепетал Артист. – Но что он может? К каждой бабе круглосуточную охрану приставить? Или после работы наручниками к батарее пристегивать?

– А может, Артист, все гораздо прозаичнее? – Скворцов сделал многозначительную паузу и с нажимом продолжил: – Может, ты знаешь, кто убивал твоих подружек? А молчишь потому, что сам приложил к этому делу свои грязные обрубки? Ты же у нас крутой спец по извращениям. Ярыжник хренов!

– Я и вправду не знаю... – залепетал Акатьев. – Есть кое-какие соображения, но... – Он промокнул лицо платком. – Но я не уверен, что вы должны это знать...

– А это еще почему?

– Вы ведь не станете при мне обсуждать промахи своих начальников. Ведь не станете?

– Ну, здарсьте, Вася, приехали! – устало выдохнул Скворцов. – Опять двадцать пять. Думаешь, нам охота тут с тобой сидеть и клещами вытаскивать из тебя показания? Нет, в первую очередь это надо тебе! Так что не тяни, родимый!

Артист набрал в легкие побольше воздуха и наконец изрек:

– Для начала попробуйте потрясти «центровых». Они давно уже положили глаз на нашу территорию. Место-то прибыльное.

– Кого ты имеешь в виду? – уточнил Скворцов.

– Ребят с Покровки. Молодые «отморозки», без царя в голове. Раньше – спортсмены, теперь – бандиты. Ихний главарь, Карька Соболев, спит и видит, как бы подвинуть Кайзера. Позавчера они устроили фейерверк в одном из ночных баров на Невском. А неделю назад пытались наехать на самого Кайзера. Чуть не грохнули, родимого. Если бы не охрана и не верный пес, парился бы Кайзер сейчас на кладбище. Может, это они, «центровые», девчонок-то убивают? В целях профилактики, чтоб, значит, силу свою показать?

– Не говори ерунды, – оборвал Скворцов. – Девчонок начали убивать два года назад. В то время про «центровых» никто ничего не слышал.

Артист выразительно развел руки в стороны.

– Тогда я пас!

Скворцов отрицательно покачал головой.

– Нет, так не пойдет. Ладно. Пусть ты не в курсе. Но девчонки-то должны что-то знать.

– Меня в свои дела они не посвящали. – Он на мгновение задумался. – А может, Жека в курсе? Ведь эти бабы... ну, которые погибли... были с ним хорошо знакомы. Чем он их купил, не знаю, но дела они общие имели, это точно.

– А кто такой Жека?

– Жека Суслов, помощник оператора на студии «Вест-ТВ». У нас, на Невском, бывает часто. Я сам видел, как он шушукался с Фиксой. Кстати, в тот вечер, когда ее нашли в Приморском, Жека к ней и приехал. Может, это он ее грохнул?

– Ну вот, молодец, – лучезарно улыбнулся Скворцов. – Интересные мысли приходят тебе в голову, когда ты как следует пошевелишь мозгами. Только вот не понимаю, зачем оператору такой престижной студии убивать проститутку?

– Мало ли зачем? Может, из-за ревности. Чего на свете-то не бывает...

– А остальных? Тоже из-за ревности?

– А почему бы и нет?

Скворцов оглушительно расхохотался. От избытка чувств на его глазах даже слезы выступили.

– Ай да Артист, ай да молодец! Объявляю тебе благодарность за своевременно выдвинутую версию! Что бы мы без тебя делали, а?

Артист едва заметно поморщился и с надеждой посмотрел на Парамонова.

– Так я могу идти?

Оставшись вдвоем, Парамонов и Скворцов обменялись короткими многозначительными взглядами. В воздухе повисла неловкая пауза, которую первым нарушил Скворцов.

– Ну, как я тебе подыграл? – спросил насмешливо. – По-моему, неплохо. А ты мог бы и заранее предупредить, зачем тебе Артист. Хорошо, вовремя вспомнил про убийства в Приморском... Неужто тебе всучили эту безнадегу?

– Сам напросился.

– Так это же чистой воды «глухарь». Маньяка ведь невозможно просчитать.

– Ну, маньяком тут, судя по всему, и не пахнет.

– А кем пахнет?

Парамонов пожал плечами.

– Не знаю. Чем больше я думаю об этом деле, тем больше сомневаюсь – а существует ли он вообще, этот Мясник? Похоже, погибшие девушки знали что-то очень важное. Поэтому их и устранили. Надо признать, устранили грамотно: сделали все возможное, чтобы мы бросились искать извращенца.

– А при чем тут Кайзер?

– Возможно, ни при чем. Но тогда почему он никак не реагирует на то, что девчонок, работающих на его территории, убивают? Как ты считаешь, он мог организовать все это?

– Кайзер? – с улыбкой переспросил Скворцов. – Нет, не его профиль. Слишком мелко для него. Если бы в лесопарке обнаружили труп депутата или известного адвоката, тогда другое дело. А так... – Чуть помолчав, он неожиданно отступил: – Хотя, может быть, ты и прав. Только Кайзер с его извращенными мозгами способен такое придумать. Если ты его расколешь, эти преступления точно войдут в учебник по криминалистике... В качестве пособия для начинающих киллеров. Представляешь, какой надо обладать фантазией, чтобы обставить убийства проституток так, будто тут поработал сексуальный маньяк!

– Да, Кайзеру палец в рот не клади, – согласился Парамонов и со злостью добавил: – Но я его все равно достану!

Скворцов снисходительно улыбнулся.

– Многие пытались копать под него, и мы в том числе. Но ничего не получилось. Думаю, ты тоже сломаешь зубы на этом деле.

Пропустив мимо ушей это пророчество, Парамонов деловито уточнил:

– У вас есть на него что-нибудь серьезное?

– Одни подозрения, не подкрепленные фактами. Год назад в автомобильной катастрофе погиб один из наших сотрудников – подполковник Потапов. За полгода до этого он начал копать под группировку, занимавшуюся доставкой и сбытом наркоты. Видимо, засветился, вот

его и убрали. Поговаривали, что катастрофа была подстроена Кайзером. Когда до нас дошли эти слухи, мы внедрили в окружение Кайзера своего агента. С тех самых пор прошел ровно год... – Скворцов грустно улыбнулся и развел руками.

– И что? – нетерпеливо спросил Парамонов.

– А ничего. Кайзер оказался на редкость осторожным и предусмотрительным человеком. И страшно недоверчивым.

– Послушай, Пашка, – оживился Парамонов, – а не мог бы ты свести меня с этим агентом?

– Даже и не проси! Ты мне можешь всю игру поломать. Ищи подходы к Кайзеру сам, а когда найдешь, так и быть, объединим наши усилия.

– И на том спасибо. – Парамонов переключился на другую тему: – Кстати, ты не в курсе, что это за студия «Вест-ТВ»?

– Ну ты даешь! Телик, что ли, не смотришь? Моя половина обожает сериалы, сделанные на «Вест-ТВ». Там все: сопли, слезы, интриги и хеппи-энд. В лучших бразильских традициях, только актеры российские. Всем известно, что за ними стоит магнат-металлург Макаров. То есть ребята особенно не нищенствуют. У рядовых сотрудников зарплаты в пару раз повыше наших. – Скворцов хитро сощурил глаза. – А ты, я вижу, решил взяться за Жеку Сулова всерьез.

– Не уверен, что он знает что-то важное, но проверить не помешает.

Глава 7

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ

– Настя, я понимаю, что тебе тяжело вспоминать, чем в последнее время занималась Алька, но... – Андрей оборвал фразу на полуслове, когда понял, что Настя его совсем не слушает. Вот уже полчаса он пытался расшевелить ее: рассказывал забавные истории из жизни московских ментов, затем завел разговор о дочери. И сразу натолкнулся на глухую стену отчуждения. – Ладно, давай присядем, – наконец предложил он, устав от бесполезности своих усилий.

Настя послушно опустилась на скамейку и, сложив руки на коленях, уставилась перед собой невидящим взглядом.

В таком апатичном состоянии она находилась уже несколько дней. Не плакала, о погибшей дочери почти не вспоминала, сутки напролет просиживала у окна с сигаретой в руке. Андрей видел, что у Насти депрессия, и был уверен, что ей не помешает помощь специалиста. Сразу после похорон он созвонился с известным питерским профессором психиатрии и договорился с ним о приеме. После визита к нему сразу стало ясно, что Насте необходимо лечь на обследование. И чем скорее, тем лучше. В тот же день Андрей отвез ее в дорогую частную клинику. И вот теперь, спустя два дня, приехал навестить...

В первые несколько мгновений, когда Андрей переступил порог отдельной палаты, в которой лежала Настя, ему показалось, что женщине стало гораздо лучше. Она явно обрадовалась его приходу – заулыбалась, приветливо поздоровалась, предложила прогуляться по парку. Андрей с энтузиазмом согласился. Но, проведя с ней полчаса, понял, что ничего не изменилось: Настя только и могла, что поддерживать нехитрую беседу, время от времени растягивая губы в некоем подобии вежливой улыбки.

«А ведь я так надеялся на эту встречу, – думал он, искоса поглядывая на Настю. – Я так надеялся, что она расскажет мне, как вела себя Алька в последний месяц: с кем встречалась, куда ходила, о чем говорила...»

Андрей закурил сигарету и тяжело вздохнул. Настя равнодушно наблюдала за двумя голубями, прыгающими по дорожке.

– Красивые птицы, правда? – затеял он новую попытку завести разговор.

– Красивые...

– Скажи, тебе здесь хорошо? Домой не хочется?

– Не хочется...

Так и не добившись от Насти ничего определенного, Андрей принялся размышлять о том, что не давало ему покоя с тех самых пор, как он побывал на Невском: «Каким же я был наивным, когда полагал, что найду Алькиного убийцу в два счета. Да если оперативники с Литейного все еще топчутся на месте, то что говорить обо мне? Я ведь не местный. Да и с Алькой знаком-то не был. Дорофеев, конечно, хвалился, что в Питере у него есть племянница неопикуемой красоты, но о ее жизни ничего конкретного не рассказывал. А вот Жанна что-то упоминала о съемках в рекламном ролике. Дескать, Алькой заинтересовался какой-то известный продюсер... – В этот момент его вдруг осенило: „А ведь Лада с Невского тоже упоминала о некоем продюсере. Правда, отзывы о нем были нелестными. Кажется, фамилия этого продюсера Шершнева...“

– Настя, ты можешь ответить мне на один вопрос? – спросил Андрей, обняв женщину за плечи.

– Да, – равнодушно кивнула та.

– Алька когда-нибудь упоминала фамилию Шершнева?

– Упоминала. Это известный продюсер.

Андрей обрадовался, не услышав односложного ответа, и принялся расспрашивать дальше.

- А на какой студии он работает?
- Не знаю. Кажется, на «Вест-ТВ».
- Это Шершнева пригласил Альку сниматься в рекламе?
- Он.
- Значит, Альку показывали по телевизору?

Чуть помедлив, Настя покачала головой. Она что-то прошептала, и Андрею, чтобы услышать, пришлось нагнуться к Настиному лицу.

- Я знаю... Ее погубил этот рекламный ролик... Из-за него Альку и убили.
- Но зачем убивать человека из-за ролика? – удивился Андрей.
- Незачем. Сама не понимаю, зачем я это сказала...

Конечно, к словам Насти не стоило относиться слишком серьезно, но на всякий случай он решил заглянуть на «Вест-ТВ». Хотя бы для того, чтобы убедиться в абсурдности предположения, выдвинутого не совсем здоровой женщиной (у Андрея язык не поворачивался назвать Настю сумасшедшей). Поэтому, покинув клинику, он первым делом узнал по справке, где находится офис студии «Вест-ТВ». Оказалось, на улице Руставели – довольно далеко от того места, где жила Настя. Пришлось брать такси...

Через полчаса Андрей внимательно осматривал шестиэтажное здание, на котором красовалась неоновая надпись: «Вест-ТВ».

«Прямо как в Голливуде», – усмехнулся он и подумал, что учредители этого заведения – люди далеко не бедные.

Он не сомневался, что территория «Вест-ТВ» надежно охраняется. Но знал и другое: в подобных заведениях самое слабое место – парадный вход. То есть проходная с маячком, возле которого дежурят два или три скучающих охранника. А они не преграда – было бы желание да более-менее вразумительное объяснение.

Андрей решил сказать, что ищет работу. В таком заведении непременно должна была отыскаться хотя бы одна вакансия, которой бы он соответствовал.

Зайдя в холл, Андрей был немного разочарован, узнав, что «Вест-ТВ» занимает лишь два этажа здания: четвертый и пятый. Поднявшись на четвертый, мгновенно отыскал глазами рекламный стенд. Список необходимых «Вест-ТВ» специалистов не отличался особой оригинальностью. В нем значились грузчик, уборщица и секретарша. Поняв, что выбирать особенно не из чего, подошел к окошку бюро пропусков и, встретившись взглядом с лениво листавшей журнал девушкой, сухо проговорил:

- Я хотел бы устроиться к вам грузчиком.
- Тогда вам в отдел кадров, – ответила та и отложила журнал в сторону. – Давайте ваш паспорт.

Взяв из рук Андрея документ, она принялась неспешно перелистывать его. Непроизвольно зевнула. Неожиданно подняв глаза и увидев на лице незнакомца недовольство, слегка покраснела. Но тут же, взяв себя в руки, с напускной строгостью спросила:

- Андрей Корнилов?
- Собственной персоной.
- Но вы же из Москвы!
- Это в прошлом, – нашелся Андрей.

– Ну хорошо, я выпишу вам разовый пропуск, – неуверенно протянула девушка. Вписав данные паспорта в журнал посетителей, а затем в бланк пропуска, вернула Андрею документы и уточнила: – Пропуск отдадите охраннику. Отдел кадров этажом выше. Пятьсот пятнадцатый кабинет.

Охранник, рыжеволосый парень лет двадцати пяти, долго всматривался в фотографию. Наконец, отдав паспорт Андрею, строго предупредил:

– Пропуск выдан на час. Будешь уходить, отметишься.

– Все понял, – кивнул Андрей, миновал маячок, но вдруг остановился и развернулся к охраннику. Прочитав на лице того недоумение, пояснил: – Пить ужасно хочется. Здесь есть какой-нибудь бар?

– Туда, – охранник махнул рукой влево. – В самом конце коридора.

Его и в самом деле мучила жажда, но в местный бар он решил заглянуть совсем по другой причине. Он надеялся, что там ему удастся завязать полезные знакомства. Такие люди, как официантки, бармены, уборщики, обычно знают гораздо больше, чем все администраторы, вместе взятые.

Пройдя метров пятьдесят, Андрей очутился у входа в бар. Он являлся как бы продолжением коридора и представлял из себя небольшое, погруженное в полумрак помещение. Народу в зале было негусто. Тем не менее прежде, чем получить заветный стакан минералки, пришлось выстоять небольшую очередь. Эта вынужденная пауза оказалась очень даже кстати. Во-первых, Андрею поневоле пришлось выслушать все последние сплетни о местных звездах, а во-вторых, что было более важно, удалось высмотреть за одним из столиков совсем юную девушку, которая, как ему показалось, вполне могла общаться с Алькой или, по крайней мере, могла видеть ее здесь. Что заставило его предположить это? Возможно, возраст девушки. К тому же она держалась в стороне от других, хотя, без сомнения, принадлежала к местной братии.

Подойдя к столику, Андрей кивнул на пустующее кресло.

– Свободно?

Девушка пожала плечами.

– Свободно.

Опустившись в кресло, Андрей украдкой посмотрел на соседку. Почувствовав на себе его взгляд, та подняла голову. В ее глазах искрились лукавые огоньки.

– Меня Верой зовут, – произнесла она.

– Андрей.

Всем своим видом показывая, что неплохо бы перейти и на «ты», Вера живо поинтересовалась:

– Впервые здесь?

Андрей усмехнулся:

– Вы так хорошо знаете всех «своих»?

– Почти всех, – ничуть не смутившись, парировала Вера. – Это во-первых. А во-вторых, достаточно один раз взглянуть на вас, чтобы понять, что вы не из нашей тусовки.

– Верно, – решил не спорить Андрей. – Но думаю, что скоро мы будем видеться чаще. Я собираюсь устроиться к вам на работу.

В глазах Веры появился интерес.

– Если не секрет, кем?

Андрей виновато развел руками.

– Увы, грузчиком. Других вакансий нет. А вы, наверное, актриса?

– Начинаящая. – Вера на мгновение замялась, но тут же торопливо продолжила: – Но если пройду пробы, со мной подпишут контракт на год.

– Собираетесь сниматься в рекламных роликах?

– Да. А как вы узнали?

– Просто я знаком с одной актрисой, которую тоже приглашали на пробы. Ваш продюсер... как там его?

– Шершнева.

– Да, Шершнев. Он был просто очарован моей знакомой, – принялся врать Андрей, – так очарован, что даже предложил ей сняться в сериале.

Вера хмыкнула:

– И как? Сдержал слово?

– Увы. – Андрей вздохнул. – Но не потому, что она оказалась плохой актрисой. Совсем недавно с Алевтиной случилось несчастье. Мне тяжело об этом говорить, но ее... убили. Несколько дней назад нашли в Приморском лесопарке – задушенную и изнасилованную.

Вера вдруг побледнела, нервно махнула рукой и опрокинула на стол чашку с недопитым кофе.

– О, черт! – растерянно воскликнула она, вставая. – Ну и растяпа же я!

Андрей понял одну простую вещь – он сочинял не напрасно. Алька Потанина была на «Вест-ТВ», и Вера, судя по всему, знала ее неплохо.

Пока Андрей прикидывал, как действовать дальше, девушка схватила висевшую на спинке стула сумочку и суетливо проговорила:

– Извини, мне надо бежать – дела. Может, еще увидимся. А с твоей подружкой я не знакома. Наверное, ее контракт закончился раньше, чем я пришла сюда.

Сказав это, Вера бросилась из кафе в коридор. Пробежав метров десять, едва не столкнулась с худощавым высоким парнем, одетым в черную рубашку и потертые джинсы. Приобняв Веру за плечи, тот приветливо улыбнулся и что-то сказал. Его простодушное, розовощекое лицо с кокетливыми ямочками на щеках так и сияло благожелательностью. Перебив его, Вера принялась что-то рассказывать, при этом бурно жестикулируя. Парень нахмурился, затем бросил несколько коротких взглядов в сторону Андрея.

Говорили они недолго, минуты две. Затем разошлись. Вера свернула на лестничную площадку, а парень вразвалочку направился в бар. Он занял место в очереди, подчеркнуто демонстрируя свое безразличие к Андрею. А тот, просидев за столиком еще минуты три-четыре и поняв, что друг Веры не намерен вступать в контакт, встал и отправился на поиски отдела кадров.

Если полчаса назад Андрей и не думал устраиваться сюда на работу, то теперь, после встречи с Верой, твердо решил – сделать это просто необходимо.

Поднявшись по лестнице на пятый этаж и отыскав дверь отдела кадров, Андрей решительно дернул ручку на себя и, не мешкая, переступил порог.

– Добрый день! – приветливо поздоровался он с женщиной лет сорока, сидевшей за ближним столом. Хотел было сразу же объяснить, кто он и зачем сюда пришел, но женщина опередила его.

– Так это вы пропавший Андрей Корнилов? – недовольно проговорила она и, не дожидаясь ответа, кивнула на стул: – Садитесь. Меня зовут Зоя Степановна. – Подождав, когда Андрей устроится поудобнее, продолжила: – Вы, насколько я поняла, хотите работать грузчиком?

– Все верно. – Андрей достал паспорт и протянул его Зое Степановне.

Она быстро пробежалась глазами по записям и удивленно вскинула брови.

– Так вы москвич!

– Еще не успел выписаться, – вновь соврал Андрей, но это не помогло.

– Пока у вас стоит московская прописка, вряд ли о чем-то можно говорить. Начальство плохо относится к иногородним. Боюсь, вам откажут. Но телефончик свой на всякий случай оставьте. Вы где живете? – Зоя Степановна взяла в руки карандаш. – Диктуйте, я записываю.

Андрей продиктовал номер домашнего телефона Насти. Записав его на листке календаря, Зоя Степановна изобразила улыбку и подвела итог:

– Через пару дней я вам позвоню.

Разговор был окончен. В общем-то, на другой результат Андрей и не рассчитывал. Но прежде чем покинуть здание «Вест-ТВ», он решил еще немного побродить по закоулкам студии.

«А вдруг удастся встретить Веру? – подумал он. – Если встречу – прижму ее к стенке и всеми правдами и неправдами заставлю выложить все, что знает».

Однако прогулка по коридорам закончилась ничем. Пришлось возвращаться назад, к проходной. На площадке в ожидании лифта топталось несколько человек. Одного из них Андрей узнал сразу. Это был приятель Веры, светловолосый паренек, который и на этот раз не проявил к нему никакого интереса. Даже не посмотрел в его сторону.

Выйдя на крыльцо, Андрей сунул руку в карман, намереваясь достать пачку сигарет, и неожиданно нащупал в нем сложенный вчетверо листок бумаги. Недоумевая, откуда тот появился, вытащил его. Это была страничка из школьной тетради. Он развернул ее.

«21.00, Полипаевская, 9 – 17. Приходи, если хочешь узнать, почему умерла А. П.», – было выведено неакkuratным почерком.

«А. П. – Алевтина Потанина», – догадался Андрей и скомкал листок.

Он мог поклясться, что еще полчаса назад в карманах было пусто. Ведь перед тем, как войти в здание, он доставал оттуда пачку сигарет.

«Значит, записку подложили на „Вест-ТВ“, – решил Андрей и сделал отмашку проезжавшему мимо такси. – Но кто?.. Вера?»

Забравшись в салон, он назвал Настин адрес.

«Неужели все-таки Вера?» – продолжил он свои рассуждения.

Однако почерк был явно не женским, да и слишком уж мало времени было у Веры, чтобы там, в кафе, изловчиться что-то написать, а потом незаметно сунуть листок ему в карман.

«Так кто же и когда это сделал?» – Андрей в последний раз окинул взглядом окна «Вест-ТВ», словно в одном из них непременно должна была быть подсказка.

«Кто бы ни был этот таинственный доброжелатель, отказываться от встречи с ним не стоит. К тому же других планов на этот вечер у меня нет».

Глава 8

НЕПОГОДА ПРИНОСИТ МЕРТВЕЦОВ

В этот душливо-жаркий день никто даже и не подозревал, что на город обрушится настоящее стихийное бедствие. Вопреки всем прогнозам часов в семь небо затянуло тяжелыми свинцовыми тучами и пошел дождь, который скоро превратился в ливень. Ветер завалил несколько деревьев и принялся срывать с крыш телевизионные антенны. Оказаться в такое время на улице – дело не только малоприятное, но и попросту опасное. Но Андрей знал – в девять он должен быть на Полипаевской.

Потратив полчаса на то, чтобы дозвониться до диспетчера таксомоторного парка, но так и не дозвонившись, Андрей набрал номер службы частного извоза. За «риск» там заломили просто умопомрачительную сумму, но торговаться было не в его правилах, да и время подпирало. Получив «добро», взял свой пистолет и, щелкнув заполненной до упора обоймой, сунул холодный ствол во внутренний карман куртки.

На этот раз он решил не расставаться с «глоком». В любом случае рубль карман не тянет. Об опасности не думал. А вот перспектива опоздать к назначенному времени его тревожила всерьез. В такую непогоду все может быть... А если допустить, что доброжелатель снял квартиру на один день (только для этой встречи), опоздание могло обернуться полным провалом. Но все тревоги оказались напрасными. Такси, а им оказался «жигуленок» первой модели, подкатило к подъезду точно в условленное время. Водитель оказался неплохим малым, к тому же знающим толк в своем деле. Он лихо рассекал огромные лужи, заскакивал на тротуар и почти не пробуксовывал на клумбах. Правда, на одном из поворотов сильный порыв ветра едва не перевернул машину, но обошлось...

Андрей вышел, немного не доехав до конечного пункта, на улице, параллельной Полипаевской. Прикрывая голову курткой и двигаясь вдоль стен домов, попытался самостоятельно выбраться на нужную ему улицу. Как назло, вокруг – ни одного прохожего. Хоть и не без труда, но Полипаевскую он все-таки отыскал, а вот уберечься от проливного дождя и луж не удалось. Рубашка промокла насквозь, в туфлях чавкала вода.

Полипаевская оказалась небольшой узкой улочкой послевоенной застройки с плотно примыкавшими друг к другу четырехэтажными кирпичными домами. Строения эти не отличались особой изящностью. Скорее, наоборот: фасады некоторых из них были обезображены огромными извилистыми трещинами, осыпавшейся штукатуркой и прогнившими оконными рамами.

«Похоже, „новые русские“ сюда ни ногой...» – подумал Андрей, внимательно вглядываясь в ржавые таблички с едва различимыми номерами домов.

Пройдя еще метров двадцать и заметив впереди новенький черный «БМВ», Андрей с удивлением отметил, что слегка поспешил с выводами. Подойдя поближе, увидел, что в салоне никого нет, хотя движок был на ходу. Вначале Андрей не придавал этому значения, но, подняв голову на очередную табличку и обнаружив на ней искомую цифру «9», слегка занервничал.

«Слишком уж не вписывается эта тачка в убогий пейзаж...»

Следуя указателю, он нырнул в темный арочный пролет.

Миновав его, оказался в еще более глухом месте – все окна дома были темными. Заметив в комнате на первом этаже едва уловимое мерцание свечи, понял, что причиной всему – неполадки с электричеством. В такую погоду обрыв электролиний не редкость.

Зайдя в единственный подъезд, щелкнул зажигалкой и осветил почтовые ящики. Квартира под номером «17» располагалась на последнем этаже.

Раскалившийся камень обжег палец, и Андрей потушил зажигалку. Впрочем, двигаться дальше можно было и вслепую, на ощупь, придерживаясь поручней. Преодолев несколько ступенек, он услышал, как где-то вверху хлопнула дверь. Послышались приближающиеся шаги.

«Мужчины, – прислушавшись, заключил Андрей. – Один килограмм на восемьдесят потянет, у второго – средние данные...»

Шли неторопливо, спокойно, и Андрей слегка расслабился. Чтобы не столкнуться с ними лоб в лоб, щелкнул зажигалкой. Мужчины ускорили шаг. Встреча произошла между вторым и третьим этажами. Внезапно Андрея ослепил яркий свет фонарика. Он остановился и прикрыл глаза рукой.

– Не дрейфь, – послышался голос одного из спускавшихся. – Свои.

Не притормаживая, прошли мимо и, погасив фонарик, исчезли в темноте. Андрей даже не успел рассмотреть их лица. Оглянувшись, увидел лишь два затылка и кожаные куртки. У одного, который был поменьше ростом, на плече висела спортивная сумка.

Взглянув на часы, Андрей понял, что опаздывает, и бегом рванул наверх. Как и следовало ожидать, звонок в квартире под номером «17» не работал. Андрей кулаком постучал в дверь. Но ответа не последовало. Постучал еще раз. Результат прежний.

«А не розыгрыш ли все это? – пронеслось в голове, но Андрей одернул себя: – Не для того я сюда перся, чтобы развернуться и уйти!»

Он толкнул дверь. Она открылась.

– Эй, здесь есть кто-нибудь? – бросил в темноту.

«Если квартира не заперта, вряд ли хозяева где-то далеко...» – подумал Андрей и переступил порог.

Прикрыв за собой дверь, вновь щелкнул зажигалкой. Слабое синеватое пламя выхватило из мрака узенькую тесную прихожую.

«Вешалка с одеждой... Мокрый плащ... Видимо, кто-то не так давно выходил на улицу, – констатировал Андрей, продолжая осмотр. – Зеркало, светильник... На полке – духи и несколько флаконов дезодоранта. В углу – мокрые туфли и мокрые следы на ковре. И запах, словно с минуту назад на кухне курицу осмолили...»

Андрей заглянул в комнату. На мгновение погасив зажигалку и сделав несколько шагов, вновь позвал:

– Хозяин!

В комнате царил мертвая тишина. Двинувшись к окну, Андрей вдруг почувствовал, что наступил на что-то мягкое. Машинально сделал шаг назад, щелкнул зажигалкой и прямо перед собой увидел лежащего на полу человека. Он сразу узнал его – это был парень со студии, Верин дружок. Только на этот раз он был одет в махровый халат.

Подсвечивая себе зажигалкой, Андрей нагнулся и... ноги вдруг стали ватными – парень был мертв. Обуглившаяся кожа на ладони правой руки и неестественно скрюченные пальцы указывали на то, что смерть наступила в результате поражения электрическим током.

Когда глаза привыкли к темноте, Андрей принялся внимательно осматривать место происшествия и через пару минут обнаружил почерневший провод настольной лампы с оплавившимся пластиковым выключателем. Восстановить полную картину случившегося оказалось нетрудно: придя с улицы, парень залез в ванну, потом вышел и хотел включить лампу, а ее замкнуло. Бедолагу отшвырнуло на два метра. И если умер не сразу, то, падая, мог удариться головой о какой-нибудь твердый предмет. Тщательный осмотр тела подтвердил это мрачное предположение: неподалеку от головы убитого Андрей обнаружил гантель. Все окончательно стало на свои места.

«Как бы там ни было, мне от этого не легче, – с досадой подумал Андрей. – Ведь я даже не знаю, кто он. И что собирался мне сообщить...»

Несколько минут Андрей пытался собраться с мыслями. Затем подошел к комоду и открыл верхний ящик. Интуиция не подвела – там лежал паспорт на имя Евгения Михайловича Сулова, прописанного в этой самой квартире. Убедившись, что на фотографии в паспорте снят Верин знакомый, Андрей сунул документ на прежнее место. В ящике, кроме паспорта, лежало несколько журналов для парней с нетрадиционной ориентацией и пачка презервативов.

«Вот черт, а этот Сулов, оказывается, гомик. Может, он пригласил меня к себе, чтобы поразвлечься, а Альку приплел ради красного словца?.. По-моему, мне надо смываться отсюда как можно скорее».

Однако профессиональная привычка взяла верх над здравым смыслом – Андрей продолжил осмотр комнаты. Не обнаружив ничего важного, вернулся в прихожую. Опустившись на корточках, осветил лежавший у двери коврик. На нем отпечатались подошвы его собственных ботинок, еще несколько отпечатков принадлежали хозяину, чьи мокрые туфли стояли в углу. Но один след был от кроссовок, которых в прихожей не было.

«Даже если бы пять свидетелей под присягой заявили, что видели, как Сулова шарахнуло током, я бы все равно не поверил в его случайную гибель. Его убили, это факт. И убили те двое, которых я встретил на лестнице. – Андрей вытащил из кармана „глок“ и щелкнул предохранителем. – Но почему?.. Чтобы сорвать нашу встречу?»

Так, с пистолетом на изготовку, он вышел из квартиры и стал осторожно спускаться. Андрей был уверен, что ему ничего не угрожает (если бы его хотели убрать, то давно бы убрали), но, как говорится, береженого бог бережет. Добравшись до первого этажа без приключений, вышел из подъезда и осмотрелся. Как и следовало ожидать, черного «БМВ» и след простыл. Спрятав оружие, Андрей закурил и быстро пошел в сторону освещенного проспекта. К счастью, ветер слегка поутих, ливень тоже закончился. На улице по-прежнему было безлюдно, а вот машин прибавилось...

Когда он вошел в квартиру Потаниных, настроение было хуже некуда. Быстро сбросил куртку, туфли и направился в комнату, на ходу стаскивая рубашку. Бросив короткий взгляд на журнальный столик, с удивлением обнаружил на нем видеокассету.

«Кажется, сюрпризы не закончились!» – подумал с раздражением, взял в руки кассету и принялся внимательно изучать ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.